

глава 3.4. Устное vs. письменное: взаимодействие дискурсов и подходы к его изучению

Т.Е. Янко, А.Л. Полян

1. Анализ звучащей речи: пути эволюции, теория и эмпирия

Настоящий раздел главы посвящен эволюции и современному состоянию исследований в области анализа устной речи. Наша задача – показать, как современные компьютерные технологии анализа устной речи и расширение эмпирической базы лингвистики влияют на верификацию и развитие идей и передачу лингвистического знания от поколения к поколению исследователей. Другая наша задача – рассмотреть проблему озвучивания (чтения) письменного текста как феномен преобразования смысла из одной формы существования дискурса – вторичной – в другую форму существования – первичную, звучащую.

В фокусе анализа устной речи в данном разделе находится, прежде всего, интонация предложения и связного текста и стоящая за интонацией коммуникативная структура предложения. Мы исходим из того, что в устной речи интонация служит основным средством выражения коммуникативных значений.

Исследования в области интонации приводят к пониманию того, насколько абстрактные значения такие, как иллокутивная сила, выбор одного элемента из множества возможных, указание на то, что текущий речевой акт не последний в структуре дискурса, и другие, выражает интонация. Абстрактный характер значений, имплицитные средства их выражения, а также то, что интонация – это языковой уровень, интроспекция по поводу которого у носителя языка, даже у лингвиста, развита крайне слабо, ставят перед исследователем особые методологические и теоретические задачи. Одна из задач – это верификация перцептивных гипотез исследователя относительно интонационных параметров звучащей речи, другая важная задача – создание метаязыка описания коммуникативных значений, которые выражаются интонацией.

Решение первой задачи, прежде всего, видится в использовании современных компьютерных систем анализа устной речи – Speech Analyzer (www.sil.org/computing/sa/index.htm) и Praat (<http://www.fon.hum.uva>).

[nl/praat/download_win.html](#)), которые позволяют инструментально проверять слуховые впечатления исследователя. Кроме того, важным средством верификации гипотез, которая традиционно производилась методом интроспекции и слухового анализа, а также источником материала для анализа интонации и других параметров звучащей речи служат разрабатываемые в настоящее время машинные корпуса устной речи. Создание машинных корпусов расширяет эмпирическую базу исследования, что позволяет достигнуть не только большей точности исследования, но и полноты. Для верификации гипотез об инвентаре релевантных акцентов в языках и способах выбора словоформ-носителей акцентных пиков и других параметрах служат и создающиеся в настоящее время системы интонационного синтеза, см., например, [Лобанов, Цирульник: 2008] и цитируемую там литературу, а также [Лобанов 2015].

Что касается второй задачи, то можно констатировать, что в теории коммуникативного и интонационного анализа получены следующие основные результаты.

В работах И.И. Ковтуновой [Ковтунова 1976] предложено и в работах Е.В. Падучевой [Падучева 1984, 2010, 2015] развито понятие *коммуникативной парадигмы предложения*, которое позволяет системно описывать большие классы предложений с одинаковой лексико-синтаксической, но различной линейно-интонационной структурой, включая тот вклад, который вносят в семантическую структуру предложения и текста линейно-интонационные преобразования (трансформации) коммуникативных структур, см. также [Циммерлинг 2008]; [Янко 2001: 137–230]. Предложения с одинаковой лексико-синтаксической, но различной линейно-интонационной и коммуникативной структурой – это члены одной коммуникативной парадигмы предложения. Линейно-интонационные трансформации осуществляют перевод базового, или нейтрального, члена коммуникативной парадигмы, у которого вклад коммуникативной структуры в семантическую минимальный, к членам парадигмы с более богатой семантикой. Понятие коммуникативной парадигмы лежит в основе трансформационной модели описания коммуникативных структур.

Другая модель анализа коммуникативной структуры, *композиционная*, которая исторически сложилась позже трансформационной, основана на анализе системных комбинаций коммуникативных значений. Композиционный подход предполагает, что базовые значения темы и ремы комбинируются со значениями контраста и эмпазы с образованием контрастных и эмпатических тем и рем [Янко 2001: 19–136].

Еще одной интересной проблемой анализа интонации, решенной в последние годы и имевшей долгую историю обсуждения в литературе,

стал анализ принципов выбора словоформы-носителя акцентного пика в коммуникативной составляющей: теме или реме. Решение этой задачи эксплицирует одну из основных языковых техник наложения интонационного контура на звучащий сегментный материал. Выбор слова-носителя акцентного пика не случаен. Выбором акцентоносителя управляют дискурсивные, лексические и синтаксические факторы. Действие этих факторов алгоритмизуемо ([Янко 2008: 38–59]), что может иметь прикладное применение при создании систем интонационного синтеза.

В подразделах ниже обсуждаются проблемы, рассмотренные во введении. Раздел 1.1 иллюстрирует основные понятия теории коммуникативной структуры в терминах композиционного и трансформационного подходов и интонационные средства выражения коммуникативных значений, включая комбинации значений и трансформации исходных структур. В разделе 1.2 обсуждаются основные теоретические проблемы плана содержания коммуникативной структуры предложения: тем и рем. Выдвигается положение о том, что основной функцией ремы является формирование иллокутивной силы сообщения. Другие функции тем и рем такие, как выражение данного и нового, известного слушающему и неизвестного, важного и менее важного, логической посылки и логического заключения, представляют собой вторичные способы использования тем и рем в процессе порождения предложения и текста. В разделе 1.3 показано, что с теоретической и методологической точек зрения следует различать композиционный и трансформационный методы анализа коммуникативных структур. Композиционный и трансформационный подходы отражают разные языковые механизмы формирования коммуникативных значений. Эти средства взаимно дополняют друг друга и не сводимы одно к другому. Раздел 1.4 посвящен проблеме, которая долгое время оставалась спорной в теории коммуникативной структуры и интонации: выбору носителя акцентного пика в коммуникативной составляющей – теме или реме. В разделе 1.5 рассматривается конкретная задача уточнения гипотез, высказанных в конце XX в., при помощи современных компьютерных методов анализа интонации и использования корпусных данных звучащей речи. В разделе 1.6. дается краткий обзор национальных корпусов звучащей речи, разработанных в недавнее время.

1.1. Коммуникативные структуры и средства их выражения

Для введения в рассмотрение основных коммуникативных значений, интонационных средств их выражения, комбинаций значений и линейно-интонационных трансформаций некоторые проблемы ана-

лиза коммуникативной структуры и интонации иллюстрируются ниже примерами. Материалом для иллюстрации в данном разделе послужил звучащий текст «Кавказского пленника» Л. Толстого в исполнении актера К. Радцига. Обратимся к примеру (1).

(1) *Хозяйская дочь Динка увидела куклу.*

В предложении (1) выделяется тема *хозяйская дочь Динка* и рема *увидела куклу*. Акцентоноситель темы – словоформа *Динка*, акцентоноситель ремы – словоформа *куклу*. Соответственно, словоформа *Динка* несет восходящий акцент типа ИК-3, по Е.А. Брызгуновой [Русская грамматика 1982: 97–122]: в данном случае это подъем на ударном слоге словоформы *Динка* плюс спад частоты тона на заударном слоге. На акцентоносителе ремы – словоформе *куклу* фиксируется пологое падение частоты в пределах ударного слога, которое продолжается на заударном слоге. Это ИК-1, по Е.А. Брызгуновой [Русская грамматика 1982: 97–122].

Подъем типа ИК-3 на словорме *Динка* существенно отличается от другого типа подъема, представленного начальным глаголом *выскочил* в примере (2):

(2) *Выскочил из этого дома черноватый татарин.*

Подъем на ударном слоге словоформы *выскочил* более пологий, чем на ударном слоге акцентоносителя темы в примере (1). Кроме того, подъем на ударном слоге *вы-* сменяется относительно ровным тоном на заударных слогах. Таким образом, на словоформе *выскочил* перед нами другой тип восходящего акцента, который характеризуется меньшей крутизной подъема на ударном слоге и относительно ровными заударными слогами. Это ИК-6, по Е.А. Брызгуновой ([Русская грамматика 1982: 97–122]).

Различие между двумя типами подъемов в данном случае характеризует различие двух типов коммуникативных структур в предложениях (1) и (2). В предложении (1) перед нами стандартная структура типа Тема-Рема, которой соответствует стандартная интонационная структура с акцентами ИК-3-ИК-1, фиксирующимися на акцентоносителях темы и ремы соответственно. (Проблему выбора акцентоносителей коммуникативно релевантных составляющих таких, как темы и ремы, мы в данном случае оставляем в стороне, см. об этом раздел 1.4 ниже, а также [Янко 2008: 38–59]). В предложении же (2) перед нами не базовая структура Тема-Рема, а результат т.н. дислокации ремы, по И.И. Ковтуновой [Ковтунова 1976: 120], см. также [Янко 2001: 201].

Дислокация ремы – это одна из линейно-интонационных трансформаций, которые приносят в предложение дополнительные смыслы. В чем

заключается дислокация ремы с линейно-интонационной точки зрения? В данном случае из реконструируемой исходной – базовой – структуры типа Тема-Рема предложения (2.1) с темой *из этого дома* и ремой глагольной группой *выскочил черноватый татарин* из ремы извлекается глагол, который помещается на начальное место в предложении.

(2.1) *Из этого дома выскочил черноватый татарин* (ср. *Выскочил из этого дома черноватый татарин*).

Именная группа *черноватый татарин*, включая акцентоноситель ремы – словоформу *татарин*, сохраняет конечное место в предложении, а тема *из этого дома* помещается на второе место после глагола. Таким образом, рема исходного предложения (2.1) *выскочил черноватый татарин* расчленяется, а тема попадает в образовавшуюся при разрыве ремы нишу – коммуникативно наименее «выигрышную» позицию. Тем самым тема теряет свою функцию зачина речевого акта. С интонационной точки зрения это маркируется акцентом ИК-6 на начальном глаголе, который обозначает здесь не тему, а начальный сегмент разрывной ремы. В [Янко 2001: 201] эта структура интерпретируется как один из случаев рецессии, или подавления, темы: тема в предложении есть, но она отведена с начальной заглавной позиции и коммуникативно подавлена. Коммуникативная структура с дислокацией уподобляется структуре без начальной темы типа *Пришла весна*, где есть рема *пришла весна* с акцентоносителем *весна*, а темы нет. В предложении с дислокацией ремы возникает и соответствующий семантический эффект отражения в предложении события, взятого в целом, когда ни время, ни место события, ни известный герой повествования не служат исходной точкой для совершения речевого акта. Одной из функций предложений с дислокацией ремы в тексте служит рассмотрение одного события, взятого в целом, в цепи событий, которые составляют сюжетную линию нарративного текста:

(3) *Пошел Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногойцем. Видит – деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в седлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шел Жилин. Сам смеется, всё говорит что-то по-своему, и ушел в дверь. Пришел Жилин в дом.*

Во фрагменте (3) предложения с дислокацией ремы выделены разрядкой. Эти предложения отражают передвижения Жилина по деревне после его пленения. В каждом из выделенных предложений фиксируется появление Жилина, а также и другого героя – черноволосого

татарина, хозяина Жилина, – в новой области бытия. Текст приобретает характер размеренного повествования. Предложения фона имеют другую коммуникативную структуру, прежде всего, стандартную структуру Тема-Рема, как, например, предложение *У одного дома стоят три лошади в седлах* с темой *У одного дома* и ремой *стоят три лошади в седлах*. Ср. тот же фрагмент текста с искусственной заменой дислокации ремы на базовые структуры типа Тема-Рема:

(3.1) *Жилин пошел с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Жилин вышел за ногойцем. Видит – деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в седлах. Мальчишки держат в поводу. Из этого дома выскочил черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шел Жилин. Сам смеется, всё говорит что-то по-своему, и ушел в дверь. Жилин пришел в дом.*

Семантические и стилистические различия между предложениями с дислокацией и предложениями с базовой структурой весьма тонкие, но они есть. Сравнительный анализ пар примеров (2)-(2.1) и (3)-(3.1) иллюстрирует понятие трансформации коммуникативной и линейно-интонационной структуры предложения и говорит о сопровождающих трансформации новых смыслах.

Перейдем к явлению композиции коммуникативных значений. Так, в примере (4) иллюстрируется комбинация ремы и контраста:

(4) *Сделал Жилин другую куклу.*

Акцентоносителем контрастной ремы *сделал другую куклу* (которая в данном случае, как и в примере (2), тоже подвержена дислокации) служит словоформа *другую*. Перед нами акцентоноситель не простой ремы, а контрастной. Значение контраста здесь следует трактовать как указание на куклу, которая была не-первой в ряду как минимум из двух кукол. Перед той куклой, о которой говорится в предложении (4), была сделана еще одна кукла, которую разбила сердитая старуха. И новая кукла рассматривается на фоне первой. Основное средство выражения контраста – существенное увеличение диапазона частот, в которых происходит образующее рему нисходящее (а тему – восходящее) движение тона. Здесь перед нами не ИК-1 простой ремы, как в примерах (1) и (2), а ИК-2 контрастной ремы (об ИК-2 см. [Русская грамматика 1982: 97–122]). При контрасте увеличивается не только диапазон частот и изменение частоты в единицу времени, но и интенсивность звучания. Эти средства выражения контраста используются не только в применении к реме: контраст системно комбинируется как с ремой, так и с темой, а также с компонентами других типов речевых актов.

В примере (5) представлена композиция ремы со значением эмфазы. Эмфаза соотносит текущее положение дел с некоторым жизненным стандартом, и значения параметров текущего положения дел оцениваются говорящим как превышающие норму. Говорящий выражает в связи с этим свои чувства: одобрение, удивление, восхищение.

(5) <...на коврах ружья, пистолеты, шашки> – все в серебре¹.

Акцентоносителем эмфатической ремы в примере (5) служит словоформа *серебре*: оружие украшено не простым металлом, а чистым серебром! С фонетической точки зрения ударный слог произносится на низком уровне, что соответствует средствам выражения ремы. Кроме того, ударный слог существенно растянут и его отличает характерное для эмфазы вибрирующее «искривление» тональной кривой. При эмфазе ударный слог звучит в полтора-два раза дольше, чем в отсутствие эмфазы. Эмфатическое «искривление» тональной кривой характерно не только для композиций эмфазы с ремой, но также и для композиций эмфазы с темой и компонентами вопроса (*В серебре-е?!).* Детально о семантике и средствах выражения эмфазы см. [Янко 2008б]. Значение эмфазы системно сочетается со значениями, формирующими сообщение (повествовательное предложение) и вопрос.

Пример (6) иллюстрирует композицию ремы с т.н. верификативным, или *да-нет*-значением (о верификации одна из самых ранних работ [Адамец 1978: 101–103]).

(6) <Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не брэнчал, пошел по дороге...> Дорогу он узнал.

В примере (6) речь идет о том, что после побега из плена Жилин боялся заблудиться. Вопрос был в том, найдет он дорогу до своей крепости или нет. Таким образом, в чем состояло пропозициональное содержание высказывания, или положение дел, было известно заранее, неизвестно только было, увенчается ли попытка узнать дорогу успехом. Сообщение состоит в положительном ответе на этот вопрос: дорогу Жилин узнал. Верификативное значение имеет те же интонационные средства выражения, что и контраст, а его акцентоносителем служит финитная форма глагола: ударность глагола отвечает за истинность высказывания в целом. В примере (6) – это значение ‘да, узнал’. На ударном (и конечном) слоге глагола *узнал* фиксируется рельефное падение.

В данном разделе были проиллюстрированы понятия темы, ремы, контраста, эмфазы и верификации, композиции значений (ремы и контраста, ремы и эмфазы, ремы и верификации), а также понятие линейно-

¹ Угловыми скобками в примерах обозначается контекст.

интонационной трансформации коммуникативной структуры. Рассмотрены интонационные средства маркирования коммуникативных значений и их комбинаций. В качестве примера линейно-интонационного преобразования здесь использована дислокация ремы. Это одна из наиболее эффективных трансформаций, но не единственная. О других трансформациях коммуникативных структур см. [Янко 2001: 137–231; Циммерлинг 2008; Падучева 2015].

1.2. План содержания коммуникативных структур

В современной лингвистике немного работ, в которых пересматривались бы основные понятия теории коммуникативной структуры (актуального членения): со времен В. Матезиуса рема – это ‘то, что сообщается’, а тема – ‘то, о чем’ (см. труды В. Матезиуса в английском переводе [Mathesius 1975]). Обогащение теории актуального членения после В. Матезиуса шло за счет соотнесения элементов коммуникативной структуры с элементами семантического уровня предложения, прагматической структурой ситуации общения и структурой дискурса, в который встроен речевой акт. В выдвигаемых в связи с этим подходах элементы коммуникативной структуры соотносятся с элементами синтаксической структуры (об этом существует большая литература, см. на русском материале [Ковтунова 1976: 60–79]), с информационными категориями данного и нового ([Chafe 1976]), с более дробными, чем значения категории данное vs. новое, значениями параметра активации информации в сознании собеседников ([Dryer 1996]), с референциальным статусом именных групп как претендентов на роль темы ([Givón 1983; Падучева 2010]), с ранжированием квантов информации от более важного к менее важному или наоборот и от известного к неизвестному ([Chafe 1976]), от своего к чужому ([Kuno, Kaburaki 1977]), с «маршрутом обхода ситуации» ([Мартемьянов 1964: 128; 2004: 117]), а также с функционированием тем и рем в логической структуре нарративного текста, или с явлением т.н. тематической прогрессии ([Севбо: 1969; Daneš: 1974]¹). Если на время исключить из рассмотрения теории, анализирующие коммуникативную структуру предложения не как би-

¹ В работе [Севбо 1969] тематическая прогрессия представлена не в терминах темы и ремы, а в близких терминах логического субъекта и логического предиката. Ср. пример прогрессии, при которой рема *n*-ного предложения становится темой *n*+1-ого: ...*нелегко с Кощей сладить. Смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт.*

нарное членение на тему и рему, а как более дробное членение на тему, рему и переход между ними ([Firbas 1974]) или как на шкалу коммуникативного динамизма ([Firbas 2001]), то окажется, что развитие теории коммуникативной структуры после В. Матезиуса было связано не столько с уточнением понятий темы и ремы, сколько с анализом семантического, синтаксического и прагматического материала, согласующегося с семантикой и прагматикой тем и рем, а также с функциями тем и рем как элементов структуры связного текста.

В одной из новейших обобщающих работ по коммуникативной структуре и коммуникативным преобразованиям (трансформациям) Е.В. Падучевой ([Падучева 2015]) говорится, что «коммуникативная структура <...> выявляет в предложении компоненты, существенные с прагматической точки зрения (а именно, с точки зрения важности, новизны информации и порядка ее восприятия адресатом), и устанавливает отношения между ними. Важнейшими из этих компонентов являются **тема** (= о чем идет речь) и **рема** (= что сообщается) ...».

Между тем, если подходить к коммуникативной структуре с точки зрения функций темы и ремы в выражении логической структуры ситуации или логической структуры текста, в выстраивании «маршрута обхода ситуации», по Ю.С. Мартемьянову ([Мартемьянов 1964: 128; 2004: 117]), в отражении развертывания сюжета (скажем, от известного к неизвестному, а затем, когда неизвестное стало известным, от него к другому неизвестному) при отражении отношения говорящего к участникам ситуации как к своим или чужим, или для выражения эмпатии, по С. Куно и Е. Кабураки ([Kuno, Kaburaki 1977]), могут использоваться не только темы и ремы предложений. В перечисленные выше логические и прагматические отношения могут вступать сегменты предложения, меньшие, чем темы и ремы, а также компоненты предложения и текста, бóльшие, чем темы, ремы или даже более крупные единицы, чем предложения в целом. Или, иначе, темы и ремы могут служить материалом для выражения логических связей, отражения прагматических отношений и референциальной структуры коммуникации, но могут и не служить, и у них есть своя собственная функция, которую понятия важности, известности и логической структуры дискурса в полной мере не отражают, а только сопутствуют ей.

Функция ремы состоит в создании сообщения как речевого акта с определенным коммуникативным заданием, т. е. основная функция ремы – иллокутивная. Если в предложении есть рема, значит, перед нами речевой акт сообщения. Кроме ремы, в сообщении может быть тема. Тема – необязательный компонент сообщения как речевого акта.

Существуют сообщения без темы, потому что не тема делает сообщение сообщением. Тем не менее язык имеет средства для выделения в сообщении компонента, который не создает речевой акт сообщения, а только служит стартом для его совершения. Тема – это несобственно иллокутивный компонент предложения. Из этих определений темы и ремы вытекают другие функции тем и рем в предложении и дискурсе, которые тем не менее не являются их основными функциями. Поскольку тема предваряет совершение речевого акта, значит, соответствующему компоненту пропозиционального содержания предложения естественно (но не обязательно) быть известным слушающему, близким («своим») для говорящего, служить исходной точкой при репрезентации ситуации с более чем одним участником, быть посылкой импликации¹. Однако тема не всегда является известной слушающему, близкой говорящему, посылкой импликации, а известное, близкое, посылка импликации – это не всегда тема. Аналогично, реме естественно быть новым для слушающего, следствием для импликации, завершением сообщения, но рема не равна новому, заключению импликации, завершению сообщения, кульминации сюжетной линии.

Аналогично теме и реме, в вопросе и в императиве также можно выделить собственно иллокутивный и несобственно иллокутивный компоненты. Так, в примере (7) выделяется собственно вопросительный (собственно иллокутивный) компонент *заряжено* и несобственно вопросительный компонент *ружье*: *ружье у коммуникантов перед глазами и про него задается вопрос: заряжено оно или нет.*

(7) *А ружье заряжено?*

Понятие о реме как о выразителе иллокутивной силы предложения имеет следующие преимущества. Прежде всего, рема противопоставлена по параметру сущности иллокутивной силы аналогичным компонентам других типов речевых актов, в которых ничего не сообщается, а, например, спрашивается (как в вопросе) или приказывается (как в императиве). Далее. Понятие о реме как о носителе иллокутивной силы дает возможность не искать тему и рему в предложениях, которые не служат сообщениями. Так, в речевых актах с особыми – индивидуальными – иллокутивными силами, которые не являются сообщениями (ср. *Гулять так гулять; Раз, два, взяли; Народу-у!; Какая прекрасная сегодня погода!; Вот еще!; Смирно!*), тем и рем нет. И наконец, у тем и рем (но не у данного и нового, известного и неизвестного, своего и чужого) есть специальные интонационные корреляты. Тип

¹ Ср. положение Дж. Хеймана «Conditionals are topics» [Haiman 1978].

акцента маркирует коммуникативную функцию компонента коммуникативной структуры, а выбор слова-носителя акцента – область действия коммуникативного значения или объем коммуникативной составляющей (темы или ремы).

Что касается типов акцентов, которые маркируют темы и ремы, то примеры таких акцентов приведены в разделе 1.1; более полное описание акцентов (включая их фонетические варианты, см. [Янко 2008: 27–37]). О принципах выбора слов-носителей акцента см. раздел 1.4 ниже.

Если при исследовании коммуникативной структуры исходить из того, что анализу подвергается звучащее предложение, тему и ремю можно понимать как единицы, которые имеют соответствующие средства выражения. Типы акцентов и их последовательность отображают членение предложения на тему и ремю, которое применил говорящий, или, выражаясь в терминах У. Чейфа ([Chafe 1976]), как с коммуникативной точки зрения «упаковано» исходное пропозициональное содержание. Итак, тема и рема – это компоненты предложения, которые соответствующим образом выражаются. Данное положение требует учета как минимум двух ограничений.

Первое ограничение состоит в том, что омонимичные средства выражения могут иметь тема и дискурсивная незавершенность, или значение ‘текущий речевой акт не последний, продолжение следует’, в деталях об этом см. [Yanko 2013]. Выражение темы и дискурсивной незавершенности – это пример омонимии, которая, вообще говоря, служит имманентным свойством языка. В некоторых случаях эта омонимия может разрешаться, исходя из контекста. Кроме омонимичных средств выражения темы и незавершенности, имеются и интонационные стратегии, при которых тема и дискурсивная незавершенность имеют автономные – отдельные – средства выражения. В таких случаях у темы и незавершенности имеются различные словоформы-акцентовосители и/или специфические акценты, которые маркируют тему автономно от незавершенности [Yanko 2013]. Так, в предложении из корпуса «Рассказы о свиданиях и другие корпуса звучащей речи» (spokencorpora.ru), см. [Подлеская 2014: 526–527] *А кошка спряталась <...> от нашей собачки* с подъемами на словоформах *кошка* и *собачки* и падением на *спряталась* словоформа *кошка* служит акцентовосителем темы, словоформа *спряталась* – акцентовосителем ремы, а словоформа *собачки* – акцентовосителем незавершенности. Таким образом, здесь у темы, ремы и незавершенности имеются отдельные показатели. Значит, омонимия средств выражения темы и дискурсивной неза-

вершенности велика, но не абсолютна. Это опять же убеждает нас в том, что дискурсивная незавершенность и тема – это различные языковые категории.

Другая оговорка состоит в том, что типы речевых актов, кроме сообщения, например, вопрос с вопросительным словом или восклицание, могут иметь ту же последовательность акцентов, что и сообщение. Однако для выражения иллокутивной силы эти типы речевых актов используют не интонационные, а сегментные средства. И сегментные средства «перевешивают» интонационные. У сообщения же в русском языке и во многих других языках сегментных средств выражения иллокутивной силы нет. Значит, сегментные средства «сильнее» суперсегментных: если в предложении иллокутивная сила выражается лексически (с помощью вопросительного слова) или морфологически (через показатель наклонения), интонационные средства могут не служить выражению никаких иллокутивных значений. Неразличение некоторых, например, вопросительных и повествовательных просодий не представляет трудностей для анализа, от которого просто требуется упорядочение этапов распознавания средств выражения иллокутивной силы: на первом этапе выясняется, имеются ли в предложении сегментные средства выражения иллокутивных значений, и только если их нет, как средство выражения иллокуции анализируется интонация.

Далее. Отдельного обсуждения в связи с рассматриваемыми проблемами заслуживает такое развитие теории актуального членения, как теория коммуникативного динамизма (см., например, [Firbas 2001]). Этот подход, в отличие от многих других, связанных с анализом вторичных функций тем и рем, развивает аппарат описания первичных функций коммуникативного членения. Теория коммуникативного динамизма предполагает, что, если в предложении тема предшествует реме, от темы к реме происходит нарастание коммуникативного динамизма. Степень коммуникативного динамизма наименьшая у начальной темы и максимальная у т.н. собственно ремы, или у акцентоносителя ремы, который в идеале располагается в абсолютном конце предложения. У подхода к коммуникативной структуре, который предполагает не бинарное, а шкалярное членение предложения на коммуникативно релевантные компоненты, интонационный коррелят отсутствует: в качестве средств выражения шкалы коммуникативного динамизма здесь используется линейное упорядочение сегментов предложения. Между тем этот подход имеет свои ограничения. При таком подходе удастся адекватно описать только ограниченный класс повествовательных предложений, а именно таких, у которых тема предше-

ствуется реме, в которых отсутствуют сентенциальные клитики, располагающиеся в ваккернагелевских языках на втором месте в предложении (см. об этом, например, [Зализняк 2008]), в которых акцентоноситель ремы находится в абсолютном конце предложения и где финитный глагол расположен на своего рода границе между темой и ремой. В результате можно заключить, что понятия темы и ремы служат более универсальным аппаратом для анализа коммуникативной структуры предложения, чем коммуникативный динамизм.

Итак, основная функция ремы состоит в формировании иллокутивной силы предложения как речевого акта. Тема в рамках предложения предваряет реализацию собственно иллокутивной функции. Темы может не быть, но, как правило, она есть. У темы и ремы в языке имеются определенные интонационные показатели, которые – несмотря на расширенную омонимию – позволяют выделить тему и рему предложения в потоке звучащей речи. У темы и ремы как у сегментов предложения и дискурса имеется набор функций – логических, референциальных и дискурсивных, которые не являются для темы и ремы первичными. У других типов речевых актов, кроме сообщений, – у вопросов и императивов – имеются компоненты (собственно иллокутивный и несобственно иллокутивный), подобные теме и реме сообщения.

1.3. Композиции коммуникативных значений и линейно-акцентные преобразования коммуникативных структур

Как уже говорилось выше, при разработке метаязыка описания коммуникативных значений используются две модели: композиционная и трансформационная. В основе трансформационной модели, предложенной И.И. Ковтуновой ([Ковтунова 1976]), лежит выделение базовых коммуникативных структур, которые имеют определенные линейно-интонационные средства выражения. Трансформации же базовых линейно-интонационных структур вносят в семантическую структуру предложения новые смыслы. Трансформации привносят в базовые структуры такие значения, как интродуктивное значение введения в рассмотрение нового объекта или события, значение мечтательного воспоминания, значение идентификации, интерпретацию события как нерасчлененного факта и другие смыслы. В разделе 1.1 пример (2) иллюстрировал одно из таких преобразований – дислокацию ремы.

Однако трансформационная модель не описывает всех значений, которые выражаются коммуникативной структурой. В начале текущего века была предложена другая модель – композиционного анализа коммуникативных значений, в основе которой лежит описание одних

коммуникативных значений через комбинации других, которые признаются элементарными, например, комбинаций значений темы и ремы со значениями контраста, эмфазы, верификации или *да-нет*-значения. В результате комбинаций значений образуются контрастные, эмфатические и верификативные темы и ремы. Понятия контраста и эмфазы, безусловно, фигурировало в описаниях коммуникативных структур и ранее, но либо независимо от сочетаемости со значениями, формирующими речевые акты, либо в рамках трансформационной модели, ср., например, понятие преобразования «контрастная тема», раздел 5.6 в работе [Падучева 2015]. Представляется, что контрастную тему следует трактовать не как линейно-акцентное преобразование, а как композицию значений темы и контраста.

Для описания коммуникативной структуры мы предлагаем использовать два подхода: трансформационный и композиционный. Трансформационная модель описывает более идиоматичные и менее предсказуемые «не-системные» смыслы. Композиционная же модель описывает системные смыслы, которые задают своего рода коммуникативную грамматику языка и имеют системные композиционные же средства выражения: контраст увеличивает диапазон изменений частоты основного тона и интенсивность, эмфаза увеличивает время звучания и «искривляет» основное направление изменений частоты – восходящее при теме и *да-нет*-вопросе и нисходящее при теме.

Итак, при анализе коммуникативной структуры используются две различные модели описания – композиционная и трансформационная, которые дополняют друг друга и позволяют реконструировать коммуникативную и интонационную грамматику языка.

1.4. Словоформа-носитель акцентного пика

В разделе 1.2 выше было показано, что коммуникативные значения и их комбинации в звучащей речи обозначаются релевантными изменениями частоты основного тона, которые фиксируются на соответствующих словоформах. Так, подъем частоты на ударном слоге словоформы-акцентоносителя с последующим резким падением на заударных слогах (если они есть) – это один из показателей темы сообщения. Между тем сегментный материал тем, рем и коммуникативных компонентов других типов речевых актов не ограничен акцентоносителем. Это могут быть компоненты предложения, большие, чем одна словоформа. Таким образом, коммуникативный компонент может быть сколь угодно синтаксически сложным, а акцентоноситель между тем у него только один. Соответственно, возникает вопрос, как выбирается слово-

носитель тонального пика в коммуникативном компоненте предложения. Тональные пики – фразовые акценты – накладываются на сегментный материал не случайным образом [Bolinger 1958, 1961; Steedman 2007]. Акценты выбираются в соответствии с определенными принципами. Выбор слов-носителей коммуникативно релевантных акцентов – это базовая проблема анализа наложения значимых изменений частоты на сегментный материал. Долгое время этот вопрос оставался нерешенным. Ответу на этот вопрос посвящен настоящий раздел.

Наиболее распространенная точка зрения долгое время состояла в том, что акцентоноситель ремы – это конечное слово в предложении, ср. [Isachenko 1967]. Это положение устарело, но до самого недавнего времени можно было встретить в литературе сочувственные ссылки на эту точку зрения ([Liberman 2006]).

Представление о том, что ударное слово ремы расположено в конце предложения, легко опровергается примерами не только из разговорной речи, но и из классической художественной литературы. Ср. пример (8) из А.П. Чехова, где «ударность» начальной словоформы *мало* объясняется особыми семантическими свойствами слова *мало* [Булыгина, Шмелев 1997: 200–207]. (Акцентоноситель здесь и в примерах ниже выделен полужирным шрифтом.)

(8) ***Мало** я смыслю в мужской красоте.*

Типы изменения частоты тона выражают такие значения, как иллюкативная сила, контраст, незавершенность текста. Выбор же слов-акцентоносителей служит для обозначения того, какой объем пропозиционального содержания предложения соответствует коммуникативным компонентам предложения – темам, ремам, компонентам вопросов и императивов. Иначе говоря, выбор словоформ-носителей акцентов определяет границы коммуникативных компонентов подобно тому, как словесное ударение отделяет одно фонетическое слово от других слов в предложении. Акцентоноситель темы или ремы, как и ударный слог в словоформе, формирует коммуникативную составляющую и делает ее отдельной от других коммуникативных составляющих предложения.

В принципе, у коммуникативных составляющих с различной сферой действия коммуникативного значения могут быть разные акцентоносители. Так, в нерасчлененном предложении (9) акцентоноситель ремы – словоформа *юбки*.

(9) *Снова входят в моду короткие **юбки**.*

В предложении же (10) с той же лексико-синтаксической структурой, но расчлененном на тему *короткие юбки* и рему *снова входят в моду*, акцентоноситель ремы – словоформа *моду*.

(10) *Короткие юбки снова входят в моду.*

Нельзя, однако, не признать, что омонимия при выборе акцентоносителя распространена шире, чем омонимия, которая обнаруживается на других уровнях языка: акцентоносители компонентов разного объема при совпадении лексико-синтаксических структур часто совпадают. Так, в реме *Вася пишет стихи* (например, в ответе на вопрос *Чему ты так рад?*), в реме *пишет стихи* (например, в ответе на вопрос *Что делает Вася?*) и в реме *стихи* (например, в ответе на вопрос *Что пишет Вася?*) акцентоносители совпадают: это словоформа *стихи*.

Как выбирается слово-акцентоноситель? Обратимся к примерам.

В примере (11) с нерасчлененной ремой *папа пришел* акцентоноситель ремы – словоформа *папа*:

(11) <Открой,> *папа* пришел.

Пара примеров (12) с акцентоносителем – словоформой *дети* и (13) с акцентоносителем – словоформой *кашу* демонстрируют чисто формальный – не обусловленный семантически – переход от акцентоносителя-подлежащего к акцентоносителю-дополнению, если оно в предложении есть.

(12) <– В чем дело?> – *Дети* плохо едят.

(13) <– В чем дело?> – *Дети кашу* плохо едят.

Кроме неточного представления, сформулированного в терминах линейной структуры предложения, о том, что акцентоноситель ремы – это слово, которое расположено в конце предложения, в работах по коммуникативной структуре и интонации можно также встретить мнения, сформулированные в терминах семантической или информационной структуры предложения, о том, что акцентоносителем служит то, что представляет собой ‘новое’, ‘самое важное’, ‘то, что несет на себе логическое ударение’, ‘истинное’.

Первое заблуждение, которое характеризует приведенные выше точки зрения, состоит в том, что ‘новое’, ‘важное’, ‘логически выделенное’ и ‘истинное’ может быть сведено к одному фонетическому слову. Новое или логически выделенное может быть сегментом самой разнообразной структуры, в частности, – предложением. При таком подходе проблема выбора акцентоносителя все равно остается нерешенной.

Кроме того, несмотря на то, что формирование ремы действительно связано с новизной информации, логическим или эмфатическим выделением (но не равно новому, логически или эмфатически выделенному), проблема выбора акцентоносителя стоит не только для ремы, но и для темы, где, скажем, с фактором новизны информации выбор акцентоносителя уже никак не связан.

Ниже будет показано, что выбор акцентоносителя в коммуникативном компоненте определяется целым набором параметров, важнейший из которых – это синтаксическая структура компонента.

В традиции анализа роли синтаксиса при формировании просодии предложения можно выделить две линии. Первая линия связана с анализом сочинительных, посессивных, релятивных и других конструкций, см., например, диссертацию [Wagner 2004] и цитированную там литературу. Эта традиция исследует просодические различия в минимальных парах типа (*X и Y*) или (*Z и W*) и *X и (Y или (Z и W))*. Семантическая «расстановка скобок» влияет на интонационную артикуляцию сочинительных и других конструкций. Соответственно, интонация позволяет снять омонимию, которая заключена в орфографических способах записи таких конструкций. Эта традиция связана с анализом синтаксических конструкций и их интонации, однако к выбору акцентоносителя эти исследования отношения не имеют: при таком подходе исследуется интонация не в терминах выбора акцентоносителя, а в терминах изменения частоты тона и паузации, потому что различная расстановка скобок дает различные комбинации подъемов частоты и ровного тона, что позволяет различить соответствующие смыслы. Эту линию исследований мы сейчас оставляем в стороне.

Другая линия, действительно связывающая синтаксис с проблемой выбора акцентоносителя, состоит в следующем. В работах устанавливаются синтаксические приоритеты в терминах членов предложения, которые определяют выбор акцентоносителя. Так, в работах К. Бонно и И. Фужерон [Bonnot, Fougeron 1982, 1983] утверждается, что в предложении, которое все целиком служит новым, ударно подлежащее (ср. <Открой,> **nana** пришел). Ограниченность такой точки зрения заключается в том, что авторы в своих работах не рассматривали предложений, в которых у сказуемого имеются и другие актанты помимо подлежащего.

В работах [Halliday 1967: 208; Enkvist 1979; Schwarzschild 1999] говорится, что подлежащее имеет приоритет перед глаголом. Это совершенно точное наблюдение, оно полностью подтверждается и нашими данными, но оно, тем не менее, не исчерпывает списка всех приоритетов, действующих при выборе акцентоносителя ремы. В работе [Schwarzschild 1999] был установлен еще один приоритет: приоритет дополнения перед глаголом. Этот приоритет также не исчерпал всех возможностей, которые содержатся в синтаксической структуре предложения.

В результате проблема выбора акцентоносителя в коммуникативном компоненте сохраняется. Ниже коротко перечисляются основные

факторы, которые определяют выбор акцентоносителя, и формулируются базовые синтаксические приоритеты. Рассматривается также ряд периферийных принципов, которые нарушают базовый принцип. Они действуют в языке в определенных прагматических контекстах. Ниже дается описание этих контекстов.

Принцип выбора носителя акцентного пика в коммуникативной составляющей, который проявляет себя в примерах (8)–(13), рассмотренных выше, мы называем базовым. Кроме базового, в языке действует ряд периферийных принципов, которые нарушают базовые приоритеты. Выделяются линейный, иллокутивный, текстовый и культурно обусловленный (несобственно языковые) принципы выбора акцентоносителя. Поясним, в чем состоят периферийные принципы, а затем вернемся к базовому принципу.

Линейный принцип действует в обращениях и в некоторых других типах речевых актов. Он отражает пространственную и психологическую дистанцию между коммуникантами: в ситуации удаленности коммуникантов акцентный пик иконически сдвигается к линейному концу речевого акта, в условиях близости – к началу по сравнению с базовым принципом. Так, в зове *Марья Ивановна-а!* Ауу! акцентный пик смещается со слога *-ва-* на конечный слог *-на*. Если же адресат находится в пространственной и психологической близости от говорящего, акцент, наоборот, сдвигается в начало: с конечной словоформы на начальную словоформу более чем односложного имени: *Марья Ивановна, дорогая!* Между тем в соответствии с базовым принципом акцентоноситель имени *Марья Ивановна* – словоформа *Ивановна*, ср.: *Пришла Марья Ивановна*.

Иллокутивный принцип действует в контексте определенных иллокутивных сил, при которых акцент также может покидать акцентоноситель, соответствующий базовому принципу. Так, в иллокутивном акте простого сообщения *Не знаю, куда девались мои очки* базовый акцентоноситель – словоформа *очки*. Это базовый акцентоноситель. Между тем в иллокутивном акте недоумения с той же лексико-синтаксической структурой *Не знаю, куда-а девались мои очки?!* акцент смещается на относительное слово *куда*, которое в данном случае служит показателем иллокутивной силы речевого акта. Об акцентных сдвигах в различных типах иллокуций см. [Янко 2008: 177–183].

Текстовый принцип привносит в предложение дополнительные акцентные пики, которые маркируют незавершенность текста и акцентоносители которых не укладываются в рамки базового выбора. Так, в незаконченном предложении текста *Я тогда пиджак снял...* с падением частоты на дополнении *пиджак* и подъемом на сказуемом *снял*

падение на *пиджак* маркирует рему, и выбор этой словоформы находится в полном соответствии с базовым принципом. Выбор же словоформы *снял* базовым принципом не объясняется. Это автономный акцентоноситель незавершенности. Детали автономного выбора акцентоносителей незавершенности текста см. в работе [Yanko 2013].

В произнесении текстов, которое следует определенным литературным или культурным традициям, – чтении стихов или молитв – базовые языковые приоритеты выбора акцентоносителя могут быть принесены в жертву требованиям ритма принятых способов чтения. Так, в православном литургическом чтении акцентосителем, как правило, становится первая словоформа строки, безотносительно к базовому принципу. Ср., например, в строке из Молитвы Господней *И остави нам долги наши...* при традиционном православном литургическом чтении в качестве акцентоносителя выступает словоформа *остави*, а не словоформа *долги*, выбор которой предполагается базовым принципом. О традициях чтения, отклоняющихся от базовых языковых принципов, см. [Янко 2010].

К основным факторам, которые определяют **базовый выбор** акцентоносителя относятся 1) активация информации в сознании собеседников (т. е. то, служит информация, предназначенная для формирования речевого акта, данной или новой) и 2) синтаксическая структура предложения (актантная структура предиката, структурная схема предложения и внутренняя синтаксическая структура именных, глагольных и других групп). Фактор активации информации действует таким образом, что сегменты предложения, соответствующие данному (известному), исключаются из числа претендентов на роль акцентоносителя ремы, ср. пример (14) с акцентоносителем словоформой *дети* и пример (15) с той же лексико-синтаксической структурой, что и (14), но в контексте известности слушающему референта словоформы *дети*:

(14) – *Чем ты расстроен?* – *Дети* плохо едят;

(15) – *Чем тебя дети расстроили?* – *Дети* плохо **едят**.

В результате сопоставительного анализа предложений с различной синтаксической структурой, представляющих собой нерасчлененную рему, выстраивается синтаксическая Иерархия, которая демонстрирует приоритет группы косвенного дополнения перед группой прямого дополнения и подлежащего, группы подлежащего – перед сказуемым, группы дополнения – перед группами обстоятельств: **Предикат (Р) – сирконстанты (С) – актанты (А1 – А2 – А3 – А4 – А5 – А6 в порядке, заданном актантной структурой предиката в словаре)**. Элементы Иерархии расположены в порядке возрастания их права на роль носи-

теля акцента в коммуникативном компоненте с синтаксической структурой целого предложения S.

Действие приоритетов, устанавливаемых Иерархией, на примере рем, представляющих собой нерасчлененное предложение, иллюстрирует серия предложений (16)–(21) ниже. Так, пример (16) иллюстрирует приоритет дополнения A2 *руку* перед субъектом A1 *у бабушки* и финитным глаголом P *защемило*. Пример (17) иллюстрирует приоритет дополнения A2 перед подлежащим A1, глаголом P и сирконстантом C.

(16) <–Что случилось?> – У бабушки (A1) **руку** (A2) *защемило* (P).

(17) <–Чем ты расстроен?> – Бабушка (A1) в дороге (C) **очки** (A2) *потеряла* (P).

(18) <–Что случилось?> – **Бабушке** (A1) *плохо* (P).

(19) <–В чем дело?> – **Денег** (A) *нет* (P).

(20) <Худо, брат, жить в Париже.> **Есть** (A) *нечего* (P) (А. Пушкин).

(21) <Мальчики платья не носят.> **На горшок** (A2) *неудобно* (P) (из детской речи).

Далее. Поскольку элементы Иерархии могут иметь внутреннюю синтаксическую структуру, включающую зависимые члены, в компонентах предложений, претендующих на роль акцентоносителя в соответствии с первой Иерархией – актантах, сирконстантах, предикатах – действуют внутренние локальные иерархии, производящие выбор словоформы *Ванечка* в именной группе *Танечка* и **Ванечка**, словоформы *Иванов* в именной группе *Вася* **Иванов**, *гостей* в именной группе *гостей* **дорогих** и словоформы *белье* в глагольной группе *грязное бельё стирать*. О локальных правилах выбора акцентоносителя в именных и глагольных группах см. [Ковтунова 1976: 146; Русская грамматика 1982: 203–206; Светозарова 1993; Кодзасов 1996: 202]. Ср. также [Zwicky 1986] о выборе акцентоносителей в атрибутивных группах английского языка. О выборе акцентоносителей в ремах, представляющих собой комплексы, состоящие из двух и более групп, не сводимых к одной, см. [Янко 2008: 50]. Это явление иллюстрирует пример (22), в котором рема *Хартман в 1882 году* состоит из двух именных групп *Хартман* и *в 1882 году*.

(22) *Этой проблемой занимался Хартман в 1882 году.*

Особый выбор акцентоносителя в предложениях с контрастом и эмфазой, ср.:

(23) *Это **Вася** Иванов, а не Ваня Иванов.*

(24) *Ну не **хотелось** мне переходить на другой берег (ср. Мне не хотелось переходить на другой **берег**).*

В предложении (23) акцентоноситель ремы (контрастной) – словоформа *Вася*, между тем в отсутствие контраста в такой структуре ак-

центоносите́ль – словоформа *Иванов* (ср. *Это Вася **Иванов***). В предложении (24) с эмфазой акцентоносите́ль – фонетическое слово *не хоте-лось*, а в предложении без эмфазы акцентоносите́ль – словоформа *берег*. Выбор акцентоносителя в контрастных и эмфатических темах и ремах мы рассматриваем как не выходящий за рамки базового принципа, потому что такие смыслы, как контраст и эмфаза, меняют не синтаксическую основу выбора акцентоносителя, а только границы тем и рем. Так, в предложении (23) словоформа *Иванов* в словосочетании *Вася Иван-ов* не служит акцентоносителем ремы, потому что обозначает известную информацию: рема здесь – словоформа *Вася*, и поэтому она «ударна» (несет на себе акцент ремы). О выборе акцентоносителя в контрастных коммуникативных компонентах см. [Янко 2008: 58]. Периферийные же способы выбора акцентоносителя – при наложении дополнительных прагматических смыслов – меняют сам принцип выбора акцентоносителя: так, выше было показано, что в особых контекстах синтаксический (базовый) принцип может меняться на линейный или на принцип выбора иллокутивного показателя.

Кроме активации и синтаксической структуры, выделяются и другие факторы, влияющие на выбор акцентоносителя. Так, фактор идиоматичности заполнения валентностей предиката действует таким образом, что идентичные с формальной точки зрения синтаксические структуры могут проявлять себя по-разному при выборе акцентоносителей. Например, устойчивое выражение *входить в силу* имеет иные свойства, чем свободное сочетание *входить в комнату*, ср. пример (25) с акцентоносителем первым актантом *закон* и пример (26) с акцентоносителем вторым актантом *комнату*:

(25) – В чем дело? – Новый **закон** в силу вошел.

(26) – В чем дело? – Вася в **комнату** вошел.

Фактор активности актантов, или иерархия одушевленности, тоже может «сдвигать» приоритеты при выборе акцентоносителей, потому что актанты с непрототипическим выражением валентностей, например пара «неактивный субъект» и «активный объект», нарушающая прототипическое распределение меры активности двух основных семантических актантов предиката, в процессе выбора акцентоносителей «меняются местами», предусмотренными для первого и второго актанта в синтаксической иерархии, ср. пример (27) с акцентоносителем вторым актантом *мышку* и пример (28) с акцентоносителем первым актантом словоформой *совесть* при одном и том же глаголе *мучить*. Релевантное различие между (27) и (28) состоит в том, что в (27) первый и второй актант имеют один ранг в иерархии одушевленности,

а в (28) – различные. И при этом в (28) первый актант имеет более низкий – не-прототипический – уровень одушевленности, чем второй актант: в (28) это меняет базовые синтаксические приоритеты:

(27) – *В чем дело?* – Кошка (A1) **мышку** (A2) мучает.

(28) – *В чем дело?* – Кошку (A2) **совесть** (A1) мучает.

Действие факторов, влияющих на установление приоритетов при выборе акцентоносителя, упорядочено. Так, например, фактор активации при выборе акцентоносителя ремы действует на первом этапе выбора: сегменты предложения, имеющие референт, известный адресату, исключаются из множества выбора, предусмотренного синтаксической Иерархией.

Таким образом, здесь схематично рассмотрены принципы выбора акцентоносителя в ремах, имеющих синтаксическую структуру предложения (S). Принципы выбора акцентоносителя в коммуникативных компонентах, имеющих синтаксическую структуру, «меньшую», чем предложение в целом, основаны на той же Иерархии с учетом отсутствия некоторых элементов. Так, выбор акцентоносителя глагольной группы в условиях отсутствия подлежащего использует ту же Иерархию, в которой опущен первый актант A1. О принципах выбора акцентоносителя тем см. [Янко 2008: 50–60]. Принципы выбора акцентоносителя тем имеют свою специфику, которая связана с фактором известности, но в целом основаны на той же Иерархии.

В результате можно заключить, что основным фактором выбора слова-носителя релевантного тонального пика в предложении служит синтаксическая структура в терминах базовой Иерархии актантов и локальных иерархий синтаксических зависимых внутри актантных и других групп, которые выбраны в соответствии с базовой Иерархией. На выбор акцентоносителя влияют также такие факторы, как активация (известность/неизвестность референта именной или другой группы адресату), идиоматичность заполнения валентностей предиката и иерархия одушевленности, которая способна менять приоритеты, установленные базовой Иерархией.

1.5. Корпуса звучащей речи как эмпирическая база для анализа коммуникативных структур и интонации

Большие корпуса звучащих текстов существенно расширили эмпирическую базу лингвистики, а современные компьютерные системы анализа интонации сделали возможной инструментальную верификацию перцептивных гипотез исследователя. Один из методов исследования коммуникативной и интонационной структуры предложения и

текста, применение которого становится возможным на современном этапе развития научных технологий, состоит в следующем. На первом этапе анализа по интонационной структуре, которая восстанавливается с помощью современных программ, реконструируется коммуникативная структура предложения. А это уже дает возможность верифицировать теоретические гипотезы исследователя относительно коммуникативной структуры: результаты использования метода интроспекции сопоставляются с результатами машинного и последующего практического анализа интонационных структур на предмет выражения интонационной структурой коммуникативных смыслов. Пример, который рассматривается ниже, иллюстрирует конкретные уточнения, которые позволил внести инструментальный анализ звучащего текста в трактовку коммуникативных структур, высказанную на более ранних этапах развития теории коммуникативной структуры без использования современных технологий.

Обратимся к проблеме верификации и уточнения гипотез с помощью современных инструментальных и корпусных методов.

Во второй половине прошлого века авторы, разрабатывавшие идеи коммуникативной структуры, активно использовали материал русской художественной литературы для иллюстрации связи между порядком слов, лексической структурой именных групп, информационной структурой текста в терминах «данное vs. новое», с одной стороны, и коммуникативной структурой предложения – с другой. На материале текстов ставилась задача определения того, как порядок слов и другие параметры влияют на коммуникативную структуру предложения [Адамец 1966: 73; Firbas 1975; Ковтунова, 1979; Арутюнова 1983: 53–55]. Основным методом анализа коммуникативной структуры в то время была интроспекция. В настоящее же время возникли новые источники для верификации гипотез и фактов, полученных во второй половине XX века: удобные машинные системы анализа интонации Praat и Speech Analyzer и записи текстов русской классической литературы, озвученной лучшими носителями русской речи. По анализу интонационной структуры реально озвученных текстов становится возможной реконструкция коммуникативного членения предложений, входящих в текст, так как в звучащей речи интонация служит основным средством оформления темы и ремы. Ниже анализируется коммуникативная структура предложений из текстов А. Пушкина и Л. Толстого, которые были озвучены И. Смоктуновским, О. Табаковым, Н. Мартоном и другими актерами, не знакомыми, как мы предполагаем, с исследованиями И.И. Ковтуновой, Е.В. Падучевой, Н.Д. Арутюновой, Я. Фирбаса.

Рассмотрим особый тип предложений с начальной именной группой-новым. (Именная группа, обозначающая новое, выделена разрядкой).

(29) *Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции* (Л. Толстой).

(30) *Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу* (А. Пушкин).

Предложения с препозицией нового дают интересный материал для анализа, т. к. заключают в себе отличную от исходной схему линейного расположения информационных компонентов русского предложения: в русском языке исходные предложения строятся по принципу «новое в конце». Ср.: *Между колесами вагонов рвалась и свистела страшная буря; Ей навстречу побежала маленькая собачка*. Препозиция нового ставит перед исполнителем известный выбор интерпретаций. В частности, решается вопрос о том, темой будет препозитивная именная группа или компонентом ремы. Этот вопрос возникает потому, что в соответствии с исходным порядком слов в русском языке новое должно воплотиться в рему, получить соответствующий «рематический» интонационный показатель и занять место ремы в исходе предложения. Между тем в анализируемом типе предложений с порядком слов, возникшим под пером А. Пушкина и Л. Толстого, новое занимает линейное место не ремы, а темы. В результате возникает вопрос: в тему воплотится начальная группа-новое при чтении соответствующего фрагмента или в рему? Если возобладает фактор исходного развертывания известного и нового, то начальный фрагмент воплотится в рему и займет нехарактерную для ремы начальную позицию, если возобладает фактор исходного развертывания темы и ремы, новое воплотится в тему, а известное – в рему, что нарушит соответствие квантов известной и новой информации коммуникативным ролям темы и ремы. В любом случае исходное соответствие «тема-известное-начало – рема-новое-конец» нарушается и интрига остается: какую стратегию изберет исполнитель? Заранее очевидно, что единодушия в членении предложения на тему и рему у исполнителей не будет. Таким образом, этот тип предложений дает интересный материал для анализа, потому что ставит перед чтецом выбор при интерпретации. Кроме того, конкретные примеры (29) и (30) из Л. Толстого и А. Пушкина были выбраны нами для анализа потому, что они послужили в свое время предметом анализа в статье [Ковтунова 1979], специально посвященной коммуникативному членению предложений с препозицией нового. Ниже мы надеемся сравнить анализ, данный И.И. Ковтуновой, и анализ, который стал возможным сегодня. Будет показано,

что результаты И.И. Ковтуновой подтверждаются, но что в настоящее время в эти результаты удастся внести известные уточнения.

И.И. Ковтунова пишет: «... в художественной прозе возможны <...> принципы построения текста, связанные с нестандартными способами введения новой информации. В частности, одним из таких принципов является включение новой информации сразу, непосредственно в тему высказывания, минуя те ступени, которые диктуются строгой логической последовательностью изложения, учитывающей меру осведомленности и неосведомленности читателя. Наиболее наглядно этот принцип обнаруживает себя в предложениях, в которых темой служит состав подлежащего, а ремой – состав сказуемого. Например: *Страшная буря рвалась и свистела между колесами вагонов по столбам из-за угла станции* (Л. Толстой). Приведенное предложение является началом главы и включает в себе по существу два сообщения: 1) Была страшная буря; 2) Эта буря рвалась и свистела... В логически развернутом изложении новый предмет или явление, выраженное субстантивной группой, обычно вводится в контекст нерасчлененным высказыванием с экзистенциальным глаголом: *Была страшная буря* ... В последующих высказываниях даются характеристики этого явления. Но в художественном повествовании часто происходит сжатие двух сообщений в одно. Возникают высказывания, подобные приведенному выше примеру из Л. Толстого... Развернутая характеристика явления, заключенная в сказуемом, превращает сказуемое в ремю, препятствуя осмыслению подобных высказываний как нерасчлененных экспрессивных. Ср. другие примеры: *...Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу* (А. Пушкин)» [Ковтунова 1979: 263].

Таким образом, итог трактовки И.И. Ковтуновой такой. 1) Предложения с начальным подлежащим-новым имеют коммуникативную структуру Тема-Рема. 2) С семантико-прагматической точки зрения в этих предложениях заключено два сообщения: сообщение, вводящее в рассмотрение новый бытующий предмет ('Была буря'), и сообщение, характеризующее этот объект с той или иной точки зрения ('Эта буря рвалась и свистела').

Анализ примеров (29) и (30) в актерском исполнении, а также других из А. Пушкина и Л. Толстого показывает, что структура Тема-Рема – это не единственная трактовка предложений с информационной структурой Новое-Данное. Таким образом, первая гипотеза И.И. Ковтуновой подтверждается, но диапазон коммуникативных возможностей при

анализе расширяется. Полный набор коммуникативных интерпретаций см. в [Янко 2013]. В частности, выясняется, что в чтении текстов А. Пушкина и Л. Толстого наиболее частой и эффектной трактовкой распространенных предложений с начальным новым служит коммуникативная структура не с одной ремой, а с двумя: начальной, несущей первый нисходящий акцент ремы, и конечной, несущей второй «рематический» акцент. И именно такая коммуникативная интерпретация наилучшим образом соответствует второй идее И.И. Ковтуновой о совмещении в одном предложении двух сообщений: бытийного и характеризующего. Таким образом, эта гипотеза И.И. Ковтуновой получает при новом анализе основательное подтверждение. Перейдем к конкретному исполнению чтецами примеров (29) и (30).

Предложение (29) из «Анны Карениной» актеры О. Табаков и В. Герасимов единодушно интерпретируют как тему, дополнительно осложненную значением эмфазы. Так, в чтении примера (29) О. Табаковым начальная именная группа *страшная буря* интерпретируется как эмфатическая тема. Основное движение тона здесь восходящее. Кроме того, наблюдается свидетельствующее об эмфатическом выделении предшествующее основному движению тона в противоположную сторону на ударном слоге акцентоносителя *буря*, которое «искривляет» подъем темы.

То, что тема реализуется в эмфатической модификации, объясняется прямым указанием в тексте на то, что буря была страшная. На акцентоносителе конечной глагольной группы словоформе *свистела* наблюдается нисходящий акцент ремы. Перед нами структура эмфатическая Тема–Рема.

В интерпретации чтеца В. Герасимова этот пример реализуется фактически так же, как и у О. Табакова. Словоформа *буря* демонстрирует подъем темы, опять же сопровождающийся эмфатическим «искривлением», и сглаженное конечное рематическое падение на акцентоносителе ремы – словоформе *станции*. Напомним, что И.И. Ковтунова предполагала в данном предложении как вариант для реализации именной группы *страшная буря* тему. Исполнение В. Герасимова и О. Табакова не отменяют трактовку И.И. Ковтуновой, а только говорят о том, что, кроме трактовки И.И. Ковтуновой, имеются и другие возможности. Описание коммуникативной структуры предложений определенного типа становится более полным.

Обратимся к чтению примера (30) из «Капитанской дочки» Н. Мартоном и И. Смоктуновским.

Оба актера дают практически единодушную тема-рематическую трактовку этого примера. Начальное падение – более рельефное у Н. Мар-

тона и почти ровный тон (отличный, впрочем, от восходящего акцента темы, который тоже можно было бы здесь ожидать) у И. Смоктуновского – на словоформе *собачка* и второе падение на акцентоносителя второй ремы *навстречу*, опять же – более крутое у Н. Мартона и более пологое у И. Смоктуновского. Оба исполнителя трактуют этот пример как структуру с двумя ремами. Первая рема соответствует компоненту появления на сцене ‘Выбежала белая собачка’, вторая – характеризующему ‘Собачка залаяла и побежала навстречу Марье Ивановне’. Наиболее существенно здесь то, что препозитивная именная группа *белая собачка английской породы* получает в обоих чтениях акцент ремы, акцентоносителем которой служит словоформа *собачка*. Акцентоносителем второй ремы служит словоформа *навстречу*. В принципе, трактовка этого предложения могла быть и иной, например, интерпретацией с начальной темой. Между тем в анализируемых чтениях интерпретации практически совпали.

Рассмотрим чтение еще одного предложения с начальным новым из «Одесских рассказов» И. Бабеля. Рассказ «Король» привлек большое число исполнителей, что дает материал для сравнения. У предложения (31) семь исполнителей. Это М. Козаков, В. Самойлов, В.Смехов, А. Равикович, С. Ярмолинец, К. Пирогов и неизвестный исполнитель.

(31) *Три тени загромаждают пути моего воображения.*

В предложении (31) так же, как и в предложениях (29) и (30) из Л. Толстого и А. Пушкина, отражается весьма характерная для раннего Бабеля линейная структура развертывания информации от нового к известному. Обратимся к контексту анализируемого предложения: – *Реб Арье-Лейб, – сказал я старику, – поговорим о Бене Крике. Поговорим о молниеносном его начале и ужасном конце. Три тени загромаждают пути моего воображения. Вот Фроим Грач. Сталь его поступков – разве не выдержит она сравнения с силой Короля? Вот Колька Паковский. Бешенство этого человека содержало в себе все, что нужно для того, чтобы властвовать... Но почему же один Бень Крик взошел на вершину веревочной лестницы, а все остальные повисли внизу, на шатких ступенях?*

Пример (31) – это предложение введения в рассмотрение: далее рассказчик говорит о том, кого он имеет в виду под тремя тенями – это Фроим Грач, Колька Паковский и Бень Крик. Исходная структура для структуры (31) такова:

(31.1) *Мое воображение загромаждают три тени.*

Здесь тема – *мое воображение* и рема – *загромаждают три тени*. Акцентоноситель темы – словоформа *воображение*, ремы – словоформа *тени*.

Рассмотрим результаты анализа чтения. М. Козаков, А. Равикович и С. Ярмолинец идут по стандартному пути: начальная именная группа в предложении (31) *три тени* в исполнении этих актеров – это тема с подъемом на *тени*, глагольная группа *загромождают пути моего воображения* – рема с акцентоносителем ремы словоформой *воображения*, несущая низкий тон ремы.

В. Смехов также использует структуру Тема–Рема с теми же акцентоносителями, но добавляя в реализацию тем и рем эмфатические модуляции т.н. одесского акцента. Подъем реализуется в расширенных диапазонах частот, имеет растяжку и особое искривление тона, о котором уже говорилось при обсуждении примера (29): к подъему добавляется предшествующее ему падение тона. Падению на *воображения* предшествует, наоборот, подъем тона, от чего падение совершается в большом диапазоне частот и также имеет характерное «искривление». Одесский акцент в прямой речи персонажа изображается В. Смеховым очень искусно.

Актер В. Самойлов трактует начальную именную группу как рему: акцентоноситель ремы – словоформа *тени* несет рельефное падение, характерное для начальной ремы. Такая трактовка актуализирует компонент введения в рассмотрение нового объекта: это три тени, о которых пойдет речь в дальнейшем. Такая интерпретация дальше отстоит от исходной структуры, но она более содержательная, чем предыдущие, авторы которых идут по формальному пути, воплощая начало в тему. У В. Самойлова за ремой следует фрагмент *загромождают пути моего воображения* в аллегривном произнесении с атонической темой *пути моего воображения*.

Наиболее же эффектную линейно-акцентную и, соответственно, коммуникативную структуру использует исполнитель, имя которого осталось нам неизвестным. Он реализует структуру с двумя ремами. Акцентоноситель начальной ремы *три тени* – словоформа *тени* несет рельефное падение тона. Эта рема вводит в рассмотрение новый объект. Затем исполнитель делает небольшую паузу и завершает предложение второй – конечной – ремой *загромождают пути моего воображения* с акцентоносителем ремы словоформой *воображения*, которая несет второе в этом предложении значимое падение тона. Вторая рема дает характеристику объекту, введенному в рассмотрение первой ремой. После второй ремы исполнитель опять же делает паузу: в контекст дискурса введена новая смысловая тема. Весь дальнейший текст служит раскрытию этой темы.

Анализ примеров говорит о том, что доступность больших массивов звучащей речи и использование современных компьютерных тех-

нологий анализа интонации делает возможным уточнение гипотез, порожденных методом интроспекции, а также позволяет достичь полноты описания коммуникативных структур, реализующихся в звучащих текстах.

1.6. Современные национальные корпуса звучащей речи

Как было показано в предыдущем разделе, массивы звучащих текстов позволяют вывести исследование коммуникативных структур на новый уровень. Образцы речи, рассмотренные в предыдущем разделе, принадлежали малому исследовательскому массиву звучащей речи, разработанному автором данной статьи специально для решения определенных задач. Ниже мы предлагаем читателю краткий обзор крупных современных корпусов звучащей речи. Корпуса звучащей речи разрабатываются не только для исследовательских, но и для прикладных целей.

Подкорпус звучащей английской разговорной речи разработан как компонент Британского национального корпуса английского языка (BNC). Подкорпус доступен по ссылке <http://www.natcorp.ox.ac.uk/news.xml?ID=spoken>. При составлении BNC был применен научный подход, который нацелен на максимально полную и всеохватную выборку жанров речи и социальную стратификацию носителей английского языка. В настоящее время в BNC имеется подкорпус американского варианта английского языка, который называется корпус Brown, т.к. он создается в университете Brown (город Провиденс, штат Род-Айленд, США). Подкорпус устной речи разрабатывался по методу тотальной записи разговоров каждого из участвующих в работе добровольцев, включая речь их собеседников. По образцу Британского национального корпуса создаются многие национальные корпуса, например, русский корпус «Один речевой день», разработанный в Санкт-Петербургском университете.

Устный корпус современного разговорного итальянского языка LABLITA отражает устную неподготовленную итальянскую речь. Корпус включает в себя два подкорпуса: речь взрослых носителей современного разговорного итальянского (The LABLITA Corpus of Adult Spontaneous Spoken Italian) и корпус лонгитюдных исследований, отражающий усвоение речи детьми в развитии (LABLITA Collection of Longitudinal Corpora of Early Acquisition of Italian). Корпус начал создаваться в 1965 году. Устные записи сопровождаются орфографической транскрипцией и орфографической записью, синхронизированной со звуковой записью и интонационной транскрипцией. Корпус создается на

базе Лаборатории итальянского языка университета Флоренции. Корпус используется в работе над разнообразными научными проектами. Корпус доступен по ссылке <http://lablita.dit.unifi.it/corpora/descriptions/lablita/>, см. также [Cresti, Moneglia 2012].

Устный корпус современного разговорного иврита (Университет Тель-Авива, Corpus of Spoken Israeli Hebrew, CoSIH) нацелен на всестороннее отражение разнообразных демографических и контекстных условий общения. Корпус был призван отразить бесконечное разнообразие вариантов израильского иврита. Полнота отображения вариантов израильской речи достигается путем применения статистических и аналитических методов отбора данных в корпус. Отбор информантов, чья речь отражается в корпусе, ведется методом случайной выборки из населения Израиля. Параметры отбора информантов таковы: место рождения, происхождение (из какой страны приехал информант или его предки), этническая группа, религия, возраст, образование и пол. При классификации жанров общения в корпусе используются следующие критерии: отношения между коммуникантами, дискурсивная структура фрагмента общения, тема общения, количество участников, среда (общение лицом к лицу или по телефону). В корпусе широко представлены диалоги и полилоги. В настоящее время корпус находится в стадии пилотного проектирования, произведено от 6 до 18 часов непрерывных записей от каждого из 53 волонтеров, участвующих в работе. В основном это речь информантов и их собеседников в течение речевого дня. Информация о корпусе доступна на сайте <http://www.tau.ac.il/humanities/semitic/cosih.html>. О моделях представления данных в корпусе см. [Izre'el, Hary, Rahav 2001]. В настоящее время создатели продолжают работу, но сетуют на недостаточное финансирование. Особую научную ценность представляет структура корпуса, рассчитанная на социолингвистический и диалектный анализ языка.

Устный корпус языков магрибского ареала CORPAFROAS создается в сотрудничестве с израильскими учеными, разрабатывающими корпус COSIH. CORPAFROAS включает данные по арабским диалектам (арабскому в Ливии, Марокко, мальтийскому арабскому), кушитским (хамитская ветвь) языкам Африки, берберским, чадским языкам и ивritу. Создание корпуса в существенной степени нацелено на анализ интонации. Корпус находится в стадии разработки, в настоящее время разработчики имеют для каждого языка по часу размеченной (фонетически и интонационно затранскрибированной, глоссированной и переведенной на английский язык) речи, см. сайты <http://corpafroas.tge-adonis.fr>, http://www.inalco.fr/ina_gabarit_rubrique.php?id_rubrique=2908.

Корпус японского разговорного языка CSJ – один из самых мощных корпусов звучащей речи в мире. Японцы раньше других народов применили метод записи речевого дня носителей языка, добровольцев, которые согласились носить микрофон для записи их собственной речи в течение дня и записи речи их собеседников. Кроме того, в корпус включены спонтанные рассказы людей о жизни, записи лекций и докладов и записи чтения письменных текстов. 95% корпуса составляют спонтанные монологи. Корпус разговорной речи служит для анализа изменений языковой нормы с целью постоянной корректировки кодифицирующих документов. Японская языковая норма меняется совершенно официально достаточно часто. Корпус звучащей японской речи представляет собой базу данных, которая хранится на 18 DVD-дисках. Корпус содержит около 660 часов записей, включающих около 7,5 миллионов словоупотреблений. Корпус отражает речь 1400 японцев в возрасте от 20 до 80 лет. Доступ к текстам открыт с 2004 года. Тексты сопровождаются орфографической записью на японском языке, фонематической транскрипцией, синтаксическим описанием, интонационной транскрипцией, разбиением на единицы, имеющие общее словесное ударение (полноударное слово плюс клитики), и разбиением текста на слова. Все единицы текста, включая паузы, имеют временные характеристики (т. е. для каждой единицы указано время, прошедшее с начала конкретного отрезка речи). Информация о корпусе доступна на сайте http://www.ninjal.ac.jp/corpus_center/csj/misc/preliminary/index_e.html; см. о корпусе также [Костыркин 2008].

Мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка МУРКО. <http://ruscorpora.ru/search-murco.html> изначально включал в себя фильмы советского и российского производства и телепередачи в полном сопровождении соответствующих транскриптов. Таким образом, исследователю становится доступной не только орфографическая запись русских текстов, но также звучащий материал и видеосопровождение, которое позволило ввести в исследование анализ мимики и жестов, сопровождающих речь [Гришина 2013; Гришина в печати]. Транскрипты синхронизированы с аудио- и видеорядом, большинство транскриптов представляют собой тексты со снятой омонимией, что позволяет вести поиск по ключевым словам, лингвистическим пометам и их логическим комбинациям с немедленной выдачей не только найденных орфографических записей, но и звучанием в виде файла MP3 и видеофрагментом из фильма. Мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка – это уникальный продукт, дающий средство для решения научных задач широкого диапазона, в

частности, таких, которые еще только будут поставлены учеными. В качестве серии исследований, сделанных на основе мультимедийного корпуса русского языка, можно привести работы одного из создателей русского подкорпуса Е.А. Гришиной, см., например, [Гришина 2005, 2009, 2013; Гришина, Савчук 2009; Гришина в печати].

С 2015 года в мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка входит Мультимедийный параллельный корпус Мультипарк (русский) (<http://ruscorpora.ru/search-multiparc.html>), который включает в себя различные постановки, инсценировки и экранизации одной и той же пьесы. Работа начата с пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор». Различные режиссерские и актерские интерпретации одного и того же письменного текста представляют прекрасный материал для анализа плана выражения звучащих и жестовых языков, в частности, в их взаимодействии. Это уникальный проект, задуманный и начатый Е.А. Гришиной, к несчастью, ныне уже покойной.

В мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка составной частью вошел результат многолетней работы сотрудников Санкт-Петербургского университета звуковой корпус русского языка «Один речевой день» (сбалансированная аннотированная текстовая база и блок «Один речевой день»). В проекте исследовалась устная речь русскоязычных говорящих (выборка – 40 добровольцев, проводивших целые сутки с включенным диктофоном, который записывал разговоры информанта и его собеседников). На основе работы по созданию блока «Один речевой день» и Сбалансированной Аннотированной текстовой базы возникло большое количество научных работ, открывающих новую страницу в описании русского языка и посвященную анализу неподготовленной русской устной речи, см., например, [Богданова 2012].

Корпус «Рассказы о сновидениях» и другие корпуса звучащей речи *Spokencorpora.ru* содержит несколько аннотированных массивов устной русской монологической речи: «Рассказы о сновидениях», «Рассказы сибиряков о жизни», «Весёлые истории из жизни», «Истории о подарках и катании на лыжах». Все звучащие тексты снабжены транскриптами и размечены при помощи специально разработанной для данного корпуса системы интонационной транскрипции, включающей тонально-темпоральные показатели речи, пометы для пауз, самоперебивов, hesitations и ошибок. Затранскрибированные тексты позволяют вести поиск по орфографической записи и прослушивать ограниченные результатами поиска фрагменты записи. Для синхронизации устного текста и транскрипта используется программная среда ELAN, см. [Рассказы о сновидениях 2009].

Цель данного раздела главы состояла в том, чтобы дать анализ современных тенденций, сложившихся в теории коммуникативной структуры предложения: переход от исследования кодифицированной письменной речи к анализу звучащего текста, использование современных компьютерных систем анализа звучащей речи, верификация гипотез в процессе создания систем интонационного синтеза и машинных корпусов звучащей речи, разработка понятийного аппарата и метаязыка описания коммуникативных структур и интонационных средств их выражения, а также способов наложения интонационного контура на сегментный материал. В связи с этими проблемами были предложены следующие решения.

Определение ключевых понятий теории коммуникативной структуры – темы и ремы – предлагается давать с точки зрения теории речевых актов: рема в таком случае понимается как носитель значения иллюкутивной силы сообщения, а тема – как исходная точка для совершения речевого акта.

Среди подходов к анализу коммуникативной структуры и интонации как средства выражения коммуникативных значений предлагается выделять два различных подхода: композиционный и трансформационный, которые взаимно дополняют друг друга. Композиционный подход предполагает выделение ряда значений, которые образуют регулярные композиции значений с предсказуемым – не-идиоматичным – результирующим значением (так, значения ‘рема’ плюс ‘контраст’ дают значение ‘контрастная рема’) и соответствующими композиционными интонационными средствами выражения. Трансформационный подход основан на выделении базовых коммуникативных структур и соответствующих им базовых линейно-интонационных средств выражения, трансформации которых приводят к образованию новых, как правило, сугубо идиоматичных смыслов.

Анализ наложения коммуникативно релевантных изменений частоты основного тона на сегментный материал говорит о том, что словоформа-носитель интонационного пика в коммуникативной составляющей выбирается на основании фактора активации информации в сознании коммуникантов и ряда синтаксических иерархий, которые определяют приоритеты типов синтаксических структур как претендентов на роль акцентоносителя, а также таких факторов, как иерархия одушевленности, идиоматичность заполнения валентностей предиката предложения, синтаксическая сложность коммуникативной составляющей. Эти факторы определяют базовые языковые приоритеты, действующие при выборе акцентоносителя. Кроме базового принци-

па, в определенных прагматических условиях базовый выбор может уступать место другим принципам выбора: линейному принципу, принципу выбора иллокутивного показателя, а также выбору акцентонотителя, формирующего ритмическую структуру текста.

Современные методы, основанные на использовании компьютерных систем анализа интонации и корпусов звучащей речи, способны повысить полноту и точность описания коммуникативных структур и интонационных средств их выражения.

На примере анализа коммуникативных и интонационных структур языка здесь были представлены способы передачи знаний от одного поколения лингвистов последующим и типы соответствия звучащей речи и письменной.

2. Живые и спящие языки: дискурс и прагматика¹

Проблематика взаимодействия устного и письменного дискурсов хорошо изучена на материале языков, которые используются для повседневной коммуникации. Исследуются спонтанная устная речь, ее отличие от письменного дискурса и их взаимовлияние, влияние написания на произношение, особенности озвучивания письменных текстов (декламации поэзии и других художественных текстов, рецитации научных текстов – скажем, докладов на конференциях и т. д.).

Менее исследованным остается взаимодействие письменного и устного дискурсов на материале языков, которые вышли из разговорного употребления. Однако исключать их из рассмотрения в этом аспекте нельзя, и причин тому несколько.

Во-первых, исторически распределение между письменным и устным дискурсами нередко коррелировало с распределением между языками: порождение устного дискурса происходило на живом языке, письменного – на языке, который перестал употребляться в спонтанной устной коммуникации.

Во-вторых, существуют ситуации, когда определенные устные дискурсивные практики закреплены именно за языками, на которых не говорят. Это может быть рецитация сакральных текстов: скажем, в русскоязычном обществе языком православной литургии остается церковнославянский, во многих мусульманских обществах – кораниче-

¹ Автор благодарит д.ф.н. Н.М. Азарову и к.ф.н. С.Ю. Бочавер за обсуждение работы с автором и их ценные замечания – А.Л.

ский арабский (хотя говорят в этих обществах на других языках) – или поэзия: в средневековой Европе нередко даже простонародная поэзия (стихи министрелей) сочинялась на латыни, устная поэзия в современной западной Африке – на мандинка (хотя исполнители и слушатели могут быть носителями других языков) [Finnegan 1977: 109], в еврейской культуре на протяжении веков языком поэзии был прежде всего иврит (хотя в быту говорили на идише, ладино и других языках).

В-третьих, в ситуации, когда в обществе тем или иным набором функций обладает язык, вышедший из разговорного употребления, существует определенное взаимовлияние между этим языком и разговорным языком.

Почему и для чего в обществе может существовать такой язык? И как стоит его называть? Ответы на эти вопросы связаны с явлением *языковой смерти*, которому посвящено немало работ [Dressler 1972; Hill 1978; Dorian 1981; Rabin 1986; Вахтин 1998; Вахтин 2001; Tsunoda 2006; Засе 2012 и др.].

Явление языковой смерти, мертвые и живые языки

Как отмечает Н.Б. Вахтин, сам термин «языковая смерть» впервые, по-видимому, был предложен в 1948 году одним из крупнейших ученых-компаративистов М. Свадешем [Вахтин 2001, прим. 1] в работе [Swadesh 1948]. Речь шла о выходе языков из употребления в результате физической смерти их носителей или перехода носителей на другие языки. Для второй ситуации в дальнейшем был предложен, по-видимому, более удачный термин «языковой сдвиг» (см., например, [Gal 1979]).

Вслед за метафорой «языковая смерть» стали появляться и другие схожие метафоры: языки делились на живые и мертвые, отдельно говорят об угрожаемых языках, вышел сборник «Красная книга языков народов России» (М., 1994); существуют термины «распад языка» (*language decay*; см. [Засе 2012]), «клиническая смерть языка», «жизнеспособность языка», предлагалась метафора «язык-зомби».

В какой ситуации язык называют мертвым? Иными словами, каковы функциональные характеристики языковой смерти?

Границу между живыми и мертвыми языками разные исследователи проводят по-разному. Обзор точек зрения по этому вопросу приводится в работе японского лингвиста Тасаку Цунода «Угрожаемые языки и языковое возрождение»:

1) прекращение изменений, происходящих в языке (сам автор не считает этот критерий релевантным, утверждая, что даже язык, который принято считать мертвым, продолжает изменяться);

2) прекращение передачи языка следующим поколениям в обществе в целом (при этом могут оставаться отдельные семьи, в которых эта передача по-прежнему происходит);

3) прекращение устной коммуникации на языке в обществе в целом;

4) прекращение передачи языка следующим поколениям во всех семьях без исключения;

5) прекращение устной коммуникации на языке во всех семьях общества;

6) смерть последних носителей.

Точка зрения самого Цунода такова: он предлагает считать язык «мертвым» со смертью последнего частичного носителя [Tsunoda 2006: 36–39].

Этот список представляет собой, по сути, перечисление стадий одного процесса – выхода языка из употребления. Таким образом, логично представить языковую смерть как континуум ситуаций, связанных с утратой языком того или иного функционального признака. Такое представление предложено в работе Х.-Ю. Зассе «Теория языковой смерти» [Зассе 2012]: описан континуум от решения общества прекратить передавать язык детям (разрыва в передаче языка) [Зассе 2012: 441] до полной замены одного языка другим [Зассе 2012: 448]. Как и Цунода, Зассе выбирает определенную точку отсчета в этом континууме: он предлагает констатировать смерть в тот момент, когда на языке прекращается регулярная коммуникация, что понимается как прекращение производства устной речи на нем [Зассе 2012: 450].

Кроме того, Зассе вычленяет еще один важный фактор, который влияет на языковую смерть и определяет ее тип, – социолингвистический статус языка. Различаются «постепенная смерть», когда «язык теряется в результате постепенного сдвига в сторону доминирующего языка в ситуации языкового контакта», и «смерть *снизу вверх*» – так называемая «латинская модель», в которой «язык утрачивается сначала в контексте семейного общения и остается только в высоких ритуальных сферах» [Зассе 2012: 452]. В первом случае из употребления выходит вернакуляр: его вытесняет более престижный язык, на который носители по тем или иным соображениям считают нужным перейти. Во втором, наоборот, из употребления выходит престижный язык, т. е. языковой сдвиг происходит в пользу вернакуляра.

В этом отношении Зассе следует за другим лингвистом, который, по-видимому, впервые связал проблему языковой смерти с диглоссией и статусом языка, – Хаимом Рабиным. В работе «Языковое возрождение и языковая смерть» показано, что процессы возрождения и, соот-

ветственно, смерти высокого языка и вернакуляра происходят принципиально по-разному [Rabin 1986: 550, 552].

Эти процессы происходят постепенно:

Язык не выходит из употребления в одночасье, он теряет отдельные сферы использования: он может перестать быть разговорным языком, но оставаться языком письменным, или наоборот; он может уйти из публичного общения и хозяйственной деятельности, но продолжать использоваться в качестве домашнего языка и т. д. От него могут отказаться носители, принадлежащие к определенному социальному классу, – при том, что он будет продолжать использоваться в других классах... [Rabin 1986: 551].

Таким образом, акцент делается на утрате / возвращении тех или иных сфер употребления языка. Возрождение Рабин предлагает понимать как «увеличение социальной территории языка, в пределах той географической территории и той этнической группы, где он использовался и раньше» [Rabin 1986: 546], т. е. как расширение сфер употребления языка, языковую смерть – как их сужение. И то и другое является преодолением ситуации диглоссии.

Ранее было принято предполагать, что язык может быть либо живым, либо мертвым. В работе Рабина рассматриваются «пограничные» случаи, их анализ показывает, что между «смертью» и «жизнью» существует довольно большое количество промежуточных стадий. Более того, процессы, которые лежат в основе языковой смерти или языкового возрождения, происходят и тогда, когда явления смерти или возрождения для нас незаметны: скажем, едва ли мы сочтем умирающим язык, на котором перестали писать научные тексты, потому что все ученые – носители этого языка – решили публиковаться только по-английски.

Вслед за Рабиным процесс языковой смерти начал рассматриваться как континуум ситуаций. При этом исследователи выбирали одну из них и назначали ее пороговой: если язык имеет определенный набор сфер употребления, то его можно считать живым, а если нет, то невозможно. Выбор такого параметра (скажем, наличие спонтанной речи на этом языке) – т. е. выбор точки отсчета – может быть удобен для установления определенных рамок исследования. Особенно продуктивным он может быть при использовании в риторических целях (особенно для риторики языкового возрождения).

Однако более продуктивным, на наш взгляд, является подход, предложенный Т. Цунода: «Сохранность и, напротив, угрожаемое состояние языков составляют континуум, и тот или иной язык может быть сочтен мертвым в любой точке этого континуума» [Tsunoda 2006: 48]. По сути,

Цунода предлагает воспринимать оппозицию живых и мертвых языков не как эквиполентную, а как градуальную.

Мы согласны с подходом Т. Цунода и предлагаем сделать последний шаг: не только отказаться от бинарной оппозиции живых и мертвых языков, но и от практики выбора «точки отсчета» в описываемом континууме ситуаций.

Перечислим ситуации, входящие в этот континуум. Мы зададим их функционально, т. е. укажем на сферы употребления, которые утрачиваются языком:

1. Прекращение передачи языка от родителей к детям, т. е. отсутствие в молодом поколении людей, для которых он был бы родным (при этом язык продолжает использоваться в письменной и даже устной коммуникации), – так обычно происходит, когда один разговорный язык утрачивается в пользу другого, более престижного (например, некоторые языки малых народов России, некоторые языки индейцев США и аборигенов Австралии, языки «старой родины» в эмигрантских общинах).

2. Отсутствие порождения спонтанной устной речи на языке (при этом тексты на нем рецитируются, создается письменная продукция) – классический арабский, санскрит и латынь в средневековье.

3. Отсутствие какой бы то ни было устной речи на языке, в том числе рецитации древних текстов (при наличии письменного функционирования языка) – латынь в странах, где церковь перешла на местные языки, вэньянь.

4. Отсутствие порождения письменной продукции на языке (старые тексты могут транслироваться, в том числе путем рецитации) – геэз в современной Эфиопии.

5. Отсутствие и порождения, и чтения письменных текстов на языке – шумерский, аккадский, древнеегипетский, древнегреческий языки.

Проявления этих признаков зависят от статуса языка в диглоссии. Если утрачивается вернакуляр, то обычно имеют место все пять признаков. Если же умирает высокий язык, то третье, четвертое и пятое условия не выполняются. Что же остается?

Спящий язык

Х.-Ю. Зассе (который, напомним, предлагает диагностировать смерть языка в тот момент, когда на языке прекращается спонтанная устная коммуникация) отмечает, что возможна «жизнь после смерти»:

У мертвого языка возможны разные виды «останков». Он может продолжать существовать как язык обрядов, как тайный язык, как про-

фессиональный жаргон и т. д. От него иногда остается кодифицированный вариант, который может использоваться в ритуальных и иных целях [Зассе 2012: 447].

Нередко неиспользование языка влечет за собой интересное последствие: чем меньше используется язык, тем выше его статус. Крайний случай этого явления – сакрализация языка – возможен только тогда, когда язык из устной коммуникации вышел практически полностью: разговорный язык не может считаться носителями святым.

Мы бы хотели остановиться именно на таких языках, которые не используются в разговорной коммуникации, но продолжают использоваться как-то иначе и нередко сакрализуются. Для обозначения таких языков мы предлагаем термин «спящий язык» [Полян 2014].

В англоязычной литературе существуют несколько терминов, в основе которых лежит похожая метафора. Х. Рабин говорит о “language hibernation” для обозначения состояния языка перед возрождением [Rabin 1986: 553], Л. Хинтон предлагает использовать термин “sleeping languages” [Hinton 2001], К. Лобо, Н. Варнер, К. Луна и Л. Батлер – “dormant languages” [Lobo 2001; Warner et al. 2007]. Мы предлагаем использовать термин «спящий язык» в русскоязычных работах, определив этот язык следующим образом:

1. он не передается от родителей к детям, т. е. не является родным ни для кого;
2. устная коммуникация на нем маргинальна или отсутствует вовсе;
3. он участвует в ситуации диглоссии и выполняет роль высокого (письменного и престижного) языка, нередко сакрализуется, и именно это обстоятельство препятствует его использованию в повседневной устной коммуникации;
4. продолжается трансляция и рецитация древних текстов на нем;
5. на нем создается новая письменная продукция.

К спящим языкам можно отнести средневековую латынь, классический арабский, иврит (после выхода из разговорного употребления и до возрождения), церковнославянский, вэньянь, с некоторой оговоркой – санскрит вплоть до конца XIX в.

Спящие языки всегда участвуют в ситуации диглоссии и сосуществуют с живыми языками. Живой язык, образующий пару со спящим, всегда оказывается вернакуляром. Между этими двумя языками существует определенное взаимовлияние.

В остальном распределение функций между языками, как было отмечено в начале данного раздела главы, может быть различным, и нередко оно коррелирует с оппозицией устного и письменного.

Оппозиция устное – письменное

В сущности, оппозиций *устное – письменное* более одной: это противопоставление проводится в антропологии (противопоставляются «письменное» и «устное общество», для последнего характерен особый менталитет, особое устное мышление, связанное с верой в магическую силу слова, и особое устройство устного нарратива, его связь с мифом и ритуалом [Ong 1982; Goody 1987, 2010]), в литературе (устная и письменная литература функционируют по-разному) и т. д. Мы сосредоточимся на лингвистическом понимании этой оппозиции.

Прежде всего, оппозиция устного и письменного – это противопоставление по параметрам «звучащее – не звучащее» и «зафиксированное на письме – не зафиксированное на письме». Однако в русскоязычной лингвистической литературе традиционно в эту оппозицию включается еще и стилистический критерий. Так, в «Словаре-справочнике лингвистических терминов» под ред. Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой приводится следующее определение понятий «устная и письменная речь»:

1. Разновидности речи, различающиеся внешними средствами выражения высказывания. Письменная форма речи (речь, зафиксированная на письме). Устная форма речи (речь звучащая).

2. Стилистические разновидности речи, различающиеся степенью соблюдения норм литературного языка. Письменная речь (речь, характеризующаяся более строгим соблюдением литературной нормы). Устная речь (речь, характеризующаяся более свободным отношением к литературной норме) [Розенталь, Теленкова 1976].

Аналогичную конвергенцию понятий отмечают авторы энциклопедии «Русский язык»:

Книжная речь – сфера литературной речи (гл[авным] обр[азом] письменной), концентрирующая книжно-письменные языковые средства. В совр[еменном] рус[ском] лит[ературном] языке К. р. входит в оппозицию с разговорной речью <...> Эта оппозиция существует наряду с оппозицией по другому признаку: письменная речь – устная речь. К[нижная] р[ечь] существует в основном в письменной форме, разговорная – в устной (и в синхронном, и в диахроническом плане это первичные формы их существования) [Русский язык 2008: 189–190].

Похожее определение, сочетающее противопоставление звучащего и не звучащего и противопоставление стилей, приводится в Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка [Стилистический словарь русского языка 2003] и в ряде других работ.

Авторы энциклопедии «Русский язык» описывают стилистический континуум, в котором одним из параметров установления границ между регистрами является устное / письменное бытование языка:

I. Книжно-письменный тип

1. Специальная речь:

1.1. письменная научная

1.2. письменная официально-деловая

2. Художественно-изобразительная речь:

2.1. Письменная публицистическая

2.2. Письменная художественная

II. Устно-разговорный тип

1. Публичная речь:

1.1. устная научная

1.2. устная радио- и телевизионная речь

2. Разговорная речь (устная разговорная) [Русский язык 2008: 225].

Проблему для подобных классификаций представляют ситуации озвучивания письменных текстов. В энциклопедии «Русский язык» отмечается, что «нельзя считать разновидностью у[стной] р[ечи] чтение вслух написанного текста, например: чтение худож[ественных] произведений актерами, театральные спектакли (в эстетической сфере у[стная] р[ечь] представлена фольклором), чтение готового текста науч[ного] доклада и т. п.» [Русский язык 2008: 190]. Декламацию произведений, в т.ч. фольклорных, автор статьи не относит к устной речи. Очевидно, критерием в данном случае выступает спонтанность коммуникации: устная речь, даже если она частично подготовлена заранее, должна быть в определенной степени спонтанна.

Автор статьи «Устная речь» Е.А. Земская отмечает, что устная речь является единственной формой существования некоторых языков и территориальных диалектов. Для разграничения письменного и устного она вводит функциональный критерий:

– для разг[оворного] лит[ературного] языка устная форма является основной, тогда как книжный язык <...> функционирует и в письменной, и в устной форме (доклад, лекция, выступление на собрании, по радио, телевидению и другие виды массовой коммуникации) [Земская 2008: 582];

– для неспонтанной коммуникации («речь читаемая или выученная наизусть») предлагается термин «звучащая речь».

Таким образом, для русского языка в отечественной лингвистике принято выделять четыре признака категории устного: звучащее, не записанное, спонтанное и стилистически разговорное. Оппозиция устного и письменного имеет следующий вид: «устное – звучащее – не записанное – спонтанное – речь» vs. «письменное – не звучащее – записанное – не спонтанное – текст».

Обращение к новому эмпирическому материалу, в частности к материалу языков Азии и Африки, а также учет межъязыкового и междискурсивного взаимодействия заставляют пересмотреть эту оппозицию. В русскоязычной лингвистике эта оппозиция была оспорена с опорой на материал японского языка: в работах В.М. Алпатова [Алпатов 2003 и др.] и Е.В. Маевского [Маевский 2000] продемонстрирована не тождественность устного и разговорного, письменного и книжного. Показано, что написанный текст в письменной форме информативно не тождествен озвученной версии того же текста.

Оппозиция устное–письменное для спящего языка

Рассмотрим эту оппозицию на материале языка, который не используется в устной коммуникации: «спонтанной», «не записанной», «звучащей» речь на таком языке бывает крайне редко. Соответственно, значение параметра «устное–письменное» для живого и «спящего» языка различно.

Оппозицию «устного» и «письменного» мы предлагаем трактовать как тернарную: «устное» – «озвучиваемое» – «письменное». Устное – спонтанно, озвучиваемое и письменное – нет. Устное и озвучиваемое имеют акустическую реализацию, письменное – нет. Озвучиваемое предполагает реализацию уже созданного, готового текста, устное и письменное – нет.

Для бытования живого языка характерны все три компонента этой оппозиции: первый – это спонтанная речь, звучащая и не записанная; второй – устное воспроизведение (озвучивание) записанного текста; третий – письменная речь. Для спящего языка практически не характерен первый член оппозиции – «устное». Этого компонента практически нет в бытовании спящего языка, однако это не значит, что его нет в конкретной исторической языковой ситуации. Спящий язык не существует отдельно от живых языков, на которых и происходит устная коммуникация, и потому в описываемой языковой ситуации компоненты оппозиции распределены между разными языками: «устное» закреплено за живым языком, а «письменное» и «озвучиваемое» – за спящим, для спонтанной коммуникации использовался не другой регистр языка (на котором формируется «устная речь»), а другой язык.

В большинстве случаев для спонтанной *устной* коммуникации используется живой язык, однако бывают исключения. Спящие языки могут использоваться при обучении и в риторических целях [Ong 1982: 109–113]. Так, в средневековье в определенных кругах латынь использовалась не только для письменной коммуникации и трансляции ста-

рых текстов, но для спонтанной устной коммуникации (скажем, все общение в средневековом европейском университете происходило на латыни). Нередко спящие языки используются в качестве криптоязыков: на них устно и спонтанно порождаются фразы, которые должны быть понятны лишь части слушателей. В некоторых еврейских общинах средневековья и нового времени иврит использовался в ряде коммуникативных практик: в среде палестинских мистиков на нем могли говорить по субботам (сакральный язык воспринимался как единственно возможное средство общения в святой день) [Elior 2013: 61; Rabin 1971: 32], в иешивах (семинариях) Марокко и Йемена на иврите было принято вести ученые диспуты [Morag 2004: 6]. Наконец, спящие языки могут использоваться как языки-посредники, когда других общих языков у коммуникантов нет.

Со спящим языком обычно связан член оппозиции «озвучиваемое». Спящий язык старше, чем живой, – и существует некоторый корпус древних текстов, которые изучаются, нередко заучиваются и передаются из поколения в поколение. Прежде всего, это сакральные тексты – священные писания и молитвы, которые регулярно озвучиваются (рецитируются) в ходе богослужения или индивидуальной молитвы. Кроме того, это художественные тексты, которые могут рецитироваться или декламироваться. На живом языке, который сосуществует со спящим, таких текстов существенно меньше.

Мы различаем декламацию – интерпретирующее чтение, направленное на то, чтобы произвести определенное воздействие на слушателей, и рецитацию – «чистое» чтение, которое не интерпретирует читаемый текст, которое обращено обычно к идеальному адресату (например, божеству – при рецитации сакральных текстов). Итак, для живого языка возможна декламация, для спящего – и декламация, и рецитация.

Даже если письменный текст на спящем языке читается про себя, он нередко озвучивается – проговаривается. В средневековой Европе чтение на спящей латыни было более «устным», чем чтение на живых языках: латынь не была ни для кого родным языком, понимание текста на ней было более трудным и требовало дополнительного проговаривания прочитанного – шепотом или вслух [Mostert 2012: 25–26]. Более того, озвучивание имело место и при создании письменных текстов. Так, анализируя ошибки, допущенные хеттскими писцами при переписывании аккадских табличек, немецкий исследователь Т. Шойхер вычленяет устные аспекты бытования текстов даже в работе писцов: ошибки, связанные с неправильным фонетическим воспроизведени-

ем оригинала, возникают в результате диктовки текстов. Письменный текст прочитывается, проговаривается – и только потом записывается снова. В свою очередь, записанный текст может послужить началом новому циклу устного воспроизведения [Scheucher 2012: 137–146].

Обычно озвучивание текстов на спящем языке предполагает наличие записанного текста. Так, сакральные тексты читаются во время богослужения по книге или свитку, проговаривание текста при диктовке писцам предполагает наличие перед глазами у проговаривающего рукописи или, скажем, глиняной таблички.

Однако не всегда это так. Озвучиваться может и текст, письменной репрезентации которого озвучивающий никогда не видел. Например, в Индии древние тексты – и сакральные, и научные, и художественные – передавались изустно, а письменность использовалась практически исключительно в прикладных целях – для записей при сборе налогов и т. п.¹, так что древние тексты просто не записывались и, соответственно, не читались с листа.

Однако в целом озвучиваемый текст на спящем языке мыслится как *письменный*, поскольку как язык письменный мыслится сам спящий язык. Иврит и арабский в средневековье – это языки, на которых созданы сакральные тексты, которые были записаны (и тем противопоставлены последующим текстам – толкованиям и комментариям – которые традиционно передавались изустно). В средневековой европейской культуре древнегреческий и латынь – это также языки письменной культуры, обладающие мощной письменной традицией.

Вернакуляр мыслится как устный язык и нередко не обладает письменностью вовсе. Однако в том случае, если на нем создаются тексты, они отличаются от текстов на спящем языке по своим жанровым и структурным особенностям.

И на живом, и на спящем языках может существовать устная поэзия, однако характер текстов и их бытования будут для живых и спящих языков различными. Устная поэзия, порождаемая на живом языке, – это прежде всего фольклор, доступный неграмотным слушателям и чаще порождаемый (или изменяемый) неграмотными сказителями текст [Scholz 1980: 35–37]. Устная поэзия на спящем языке так или иначе связана с письменностью. И автор, и его слушатели были грамотными и могли читать. Нередко успешное восприятие устной литургической поэзии на спящем языке (грекоязычной византийской, иврито-

¹ Автор благодарит чл.-корр. РАН д.ф.н. В.М. Алпатова, который поделился примером при обсуждении темы исследования с автором.

язычной, латиноязычной) требовало совершения определенной мыслительной операции во время слушания – перекодирования поэтического текста из устной в письменную форму – и обратно (для восприятия акростиha или правильного членения текста на строки и строфы). На живом языке возможна наивная поэзия – на спящем языке ее крайне мало. Устная поэзия на живом языке весьма вариативна, поскольку ее трансляция предполагает и поощряет не только заучивание и устную передачу, но и сотворчество, дополнение [Finnegan 1977: 139–153]. Устная поэзия на спящем языке также подвержена изменениям при трансляции, но стремление сохранить текст гораздо заметнее, и вариативность устной поэзии на спящем языке значительно ниже.

Взаимовлияние спящего и живого языков

Влияние спящего языка на живой проявляется в нескольких мало связанных между собой аспектах. Во-первых, тексты на спящем языке являются своего рода примером для подражания и прецедентными текстами для создания текстов на живом языке. На живом языке пишут или создают устные тексты с оглядкой на то, что написано на спящем языке. Тексты на живом языке могут быть переложениями текстов на спящем, могут быть заимствованы сюжеты и мотивы. Во-вторых, спящий язык служит для пополнения лексикона живого языка: из спящего языка заимствуются отдельные слова или морфемы для создания новых слов живого языка; заимствуются выражения, которые функционируют в живом языке в качестве всеми узнаваемых цитат. В-третьих (это соображение не относится собственно к языку, но имеет огромную важность для письменного дискурса), спящий язык становится источником письменности для живого языка.

Влияние живого языка на спящий осуществляется прежде всего на уровне фонологии. Фонологическое существование спящего языка практически всегда претерпевает сильное влияние живого языка – родного языка говорящего, поэтому существуют различные региональные произносительные традиции спящих языков. Так, в различных регионах Европы развились местные (итальянский, французский, испанский и т. д.) варианты чтения текстов на латыни; устная рецитация текстов на вэньяне происходила в рамках фонологии китайских диалектов; под влиянием местных еврейских языков происходило формирование региональных произносительных традиций иврита (ашкеназской, сефардской и др.) и т. д.

Под влиянием фонетики и фонологии живого языка изменяется фонетическая реализация фонем спящего языка, нередко может ме-

няться и его фонологическая структура (скажем, в восточноевропейском иврите исчезло противопоставление фонем ? и ζ, которые произносились как глухая гортанная смычка и звонкий фарингал соответственно, поскольку в фонетическом инвентаре местного живого языка, идиша, оба эти звука отсутствовали; в ситуациях, когда латынь сосуществовала с языком, где нет противопоставления гласных по долготе и краткости, соответственно изменялся вокализм местного варианта латыни). Это влияние особенно сильно в области просодии, поскольку, как правило, просодия иностранного языка рефлектируется слабее, чем другие его фонетические черты – как, например, наличие экзотических для родного языка звуков и система аллофонии [Янко 2008: 8; Вайнрайх 1973: 7–28]. Тем более проблематична рефлексия о просодии языка, который манифестируется прежде всего в письменных текстах, – и просодия спящего языка просто замещается просодией живого языка.

Кроме того, может проявляться определенное синтаксическое и семантическое влияние: под влиянием живого языка может изменяться порядок слов в текстах на спящем языке, может копироваться структура тех или иных синтаксических конструкций; слова могут приобретать новые значения или вовсе менять значение под влиянием созвучных или родственных слов в живых языках.

Вопрос о бытовании спящих языков и взаимовлиянии дискурсов на спящих и живых языках представляется малоисследованной проблемой. Думается, что дальнейшее ее рассмотрение может обогатить наши представления о межъязыковом и междискурсивном взаимодействии.

Литература

- Адамец П. Образование предложений из пропозиций в русском языке. Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia LXIX. Praha. 1978.
- Алпатов В.М. Япония: язык и общество. М., 2003.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Богданова Н.В. О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог. М., 2012.
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1973.

- Вахтин Н.Б.* Исчезновение языка и языковая трансформация: заметки о метафоре «языковой смерти» // Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию Виктора Самуиловича Храковского. СПб., 1998.
- Вахтин Н.Б.* Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. № 1. СПб., 2001.
- Гришина Е.А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М., 2005.
- Гришина Е.А., Савчук С.О.* Корпус устных текстов в НКРЯ: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009.
- Гришина Е.А.* Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009.
- Гришина Е.А.* Русская темпоральная жестикуляция // Известия РАН. ОЛЯ. № 1, 2013.
- Гришина Е.А.* Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования), в печати.
- Зализняк А.А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Засе Х.-Ю.* Теория языковой смерти // Вахтин Н.Б. (ред.). Социолингвистика и социология языка. СПб, 2012.
- Земская Е.А.* Устная речь // Русский язык. Энциклопедия / Ред. Ю.Н. Караулов. М., 2008.
- Кодзасов С.В.* Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Ковтунова И.И.* Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979.
- Костыркин А.В.* Корпус японской разговорной речи // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009.
- Лобанов Б.М.* Опыт создания мелодических портретов сложных повествовательных предложений русской речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2015 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2015.
- Лобанов Б.М., Цирульник Л.И.* Компьютерный синтез и клонирование речи. Минск, 2008.
- Маевский Е.В.* Графическая стилистика японского языка. М., 2000.

- Мартемьянов Ю.С. Заметки о строении ситуации и форме её описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8, М., 1964.
- Мартемьянов Ю.С. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М., 2004.
- Падучева Е.В. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // НТИ, Сер. 2. N 10. 1984.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 6-е изд. М., 2010.
- Падучева Е.В. Коммуникативная структура предложения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М. 2015.
- Подлеская В.И. «То есть, не убили, а зарезали саблём»: самоисправление говорящего в устных рассказах // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2014 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2014.
- Полян А.Л. Иврит III–XIX вв. н.э. как «спящий язык» // Вопросы языкознания. 2014. № 5.
- Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса: монография / А.А. Кибрик, В.И. Подлеская (ред.). М., 2009.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Русская грамматика, Т. 1, М., 1982.
- Русский язык. Энциклопедия / Ред. Ю.Н. Караулов. М., 2008.
- Светозарова Н.Д. Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. Вып. I. М. 1993.
- Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., 1969.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2003 / Гл. ред. М.Н. Кожина. М., 2003.
- Циммерлинг А.В. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции по компьютерной лингвистике и ее приложениям Диалог. М., 2008.
- Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Янко Т.Е. Просодические средства эмфазы // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 20086.
- Янко Т.Е. Просодия предложений со «снятой» иллокутивной силой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Тру-

ды Международной конференции Диалог'2010 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2010.

Янко Т.Е. Чтение как результат интерпретации // Когнитивные исследования языка. Механизмы языковой когниции. Выпуск X. Тамбов, 2013.

Bolinger D. A Theory of Pitch Accent in English // *Word*, 14, 1958.

Bolinger D. Contrastive Accent and Contrastive Stress // *Language*, 37, 1961.

Bonnot Ch., Fougeron I. L'accent de phrase non-final en russe. Est-il toujours un signe d'expressivité ou de familiarité? // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Tome LXXVII. 1982. Paris.

Bonnot Ch., Fougeron I. Accent de phrase non-final et relations interénunciatives en russe moderne // *Revue des études slaves*. Tome 55. 1983. Paris.

Chafe W. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View // *Subject and Topic*. New York, 1976.

Cresti E., Moneglia M. The relationship between information patterning and syntax in the frame of the Language into Act Theory // Пятая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Т. II. Калининград, 2012.

Daneš F. Functional sentence perspective and the organization of the text // *Papers on Functional Sentence Perspective*. The Hague, 1974.

Dorian N. Language death: The life cycle of a Scottish Gaelic dialect. Philadelphia, 1981.

Dressler W. On the phonology of language death // *Papers from the eighth regional meetings of Chicago linguistic society* / Ed. by Paul M. Peranteau et al. Chicago, 1972.

Dryer M.S. Focus, pragmatic presupposition, and activated propositions // *Journal of pragmatics*. 26, 1996.

Elior R. 'ivrit mi-kol ha-'avarim // Y. Benziman (ed.). *Leshon rabim: ha-'ivrit ki-sefat tarbut*. Jerusalem, 2013.

Enkvist N.E. Marked focus: functions and constraints // *Studies in English Linguistics for Randolph Quirk*. London, 1979.

Finnegan R. Oral poetry: its nature, significance, and social context. Bloomington, 1977.

Firbas Ja. Some aspects of the Czechoslovak approach to problems of the functional sentence perspective // *Papers on Functional Sentence Perspective*. The Hague, 1974.

Firbas Ja. On «Existence/appearance on the scene» in functional sentence perspective // *Prague Studies in English*. Praha.V. XVI. 1975.

- Firbas Ja.* Communicative dynamism // Handbook of Pragmatics. Amsterdam, 2001.
- Gal S.* Language shift: Social determinants of linguistic change in bilingual Austria. New York, 1979.
- Givón T.* Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross Language Study. Typological Studies in Language 3. Amsterdam, 1983.
- Goody J.* The Interface Between the Written and the Oral. Cambridge, 1987.
- Goody J.* Myth, Ritual and the Oral. Cambridge, 2010.
- Haiman J.* Conditionals Are Topics // Language. Vol. 54. No. 3. 1978.
- Halliday M.* Notes on transitivity and theme in English. Part 2 // Journal of Linguistics, 3, 1967.
- Hill J.* Language death, language contact and language evolution // Approaches to language: Anthropological issues / Ed. by William McCormack and Stephen Wurm. The Hague; Paris, 1978.
- Hinton L.* Sleeping languages: Can they be awakened? // L. Hinton, K. Hale (eds). The green book of language revitalization in practice. San Diego, 2001.
- Isachenko A.V.* Frazovoe uderenie i poriadok slov // To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday, 11 October 1966, The Hague/Paris, 1967.
- Izre'el Sh., Hary B., Rahav G.* Designing CoSIH: The Corpus of Spoken Israeli Hebrew // International Journal of Corpus Linguistics. 2001. N6.
- Kuno S., Kaburaki E.* Empathy and Syntax // Linguistic Inquiry. Vol. 8, No. 4, 1977.
- Liberman A.* The Interplay of Sentence and Word Stress in Germanic, Synchronic and Diachronic // Phonetik und Nordistik. Festschrift für Magnús Pétursson zum 65. Geburtstag. Forum Phonetikum 73. Frankfurt am Main, 2006.
- Lobo K.* Bringing a «dead» language back to life: Beginning language instruction for dormant languages. MA Thesis. Berkeley, 2001.
- Mathesius V.* A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. The Hague – Paris, 1975.
- Morag Sh.* 'Iyunim ba-'ivrit, ba-aramit u-vi-leshonot ha-yehudim. Jerusalem, 2004.
- Mostert M.* Latin Learning and Learning Latin: Knowledge Transfer and Literacy in the European Middle Ages // Theory and Practice of Knowledge Transfer. Studies in School Education and the Ancient Near East and Beyond. Papers Read at a Symposium in Leiden, 17–19 December 2008. Ed. by W.S. van Egmond and W.H. van Soldt. Leiden, 2012.
- Ong W.* Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London; New York, 1982.

- Rabin Ch.* 'Iqare toldot ha-safa ha-'ivrit. Jerusalem, 1971.
- Rabin Ch.* Language Revival and Language Death // The Fergusonian Impact. In Honor of Charles A. Ferguson on the Occasion of His 65-th Birthday / Ed. by J. Fishman, A. Tabouret-Keller, M. Clyne, Bh. Krishnamurti, M. Abdulaziz. Berlin-New York-Amsterdam, 1986. Vol. 2.
- Scheucher T.* Errors and mistakes: The Narrow Limits of Orality-Literacy Research in the Study of Ancient Cultures – The Case of Lexical Lists from Ancient Hattusha // Theory and Practice of Knowledge Transfer. Studies in School Education and the Ancient Near East and Beyond. Papers Read at a Symposium in Leiden, 17–19 December 2008. Ed. by W.S. van Egmond and W.H. van Soldt. Leiden, 2012.
- Scholz M.G.* Hören und Lesen. Studien zur primären Rezeption der Literatur im 12. und 13. Jahrhundert. Wiesbaden, 1980.
- Schwarzschild R.* Givenness, AvoidF and other constraints on the placement of accent // Natural Language Semantics. 7. 1999.
- Steedman M.* Information Structural Semantics for English Intonation // Topic and Focus: Cross-Linguistic Perspectives on Meaning and Intonation. Dordrecht, 2007.
- Swadesh M.* Sociologic notes on obsolescent languages // IJAL. 1948. Vol. 14.
- Tsunoda T.* Language endangerment and language revitalization: An introduction. Berlin, 2006.
- Wagner M.* Prosody and Recursion. PhD thesis. MIT. 2004.
- Warner N., Luna Q., Butler L.* Ethics and revitalization of dormant languages: The Mutsun language // Language documentation and conservation. 2007. No. 1.
- Yanko T.* Sentence incompleteness vs. Discourse incompleteness: pitch accents and accent placement // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции Диалог. М., 2013.
- Zwicky A.M.* Forestress and afterstress // OSU WPL 32. 1986.